Любовь Безбах
Александр Борисов

Наёмник

Любовь Безбах
Александр Борисов

Наёмник

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-3
ББК 84-445
Б39

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Безбах Любовь
Б39 Наёмник / Любовь Безбах, Александр Борисов. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. — 60 с.
ISBN 978-5-0059-6236-2

Стране Суровесов грозит нашествие грозного врага. Чтобы остановить захватчиков, шаман вызывает из параллельного мира чудовище. Подчинить своей воле умного и своенравного монстра оказалось делом непростым и сомнительным. И всё же главнокомандующий Суровеса Вобалут и его воины находят с ним общий язык.

УДК 82-3
ББК 84-445

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0059-6236-2

© Любовь Безбах, 2023
© Александр Борисов, 2023
© Любовь Безбах, иллюстрации, 2023

Мраморный алтарь пугал Жожи IV внушительным размером. Толстую плиту окружали статуи богов из тёмно-красного с прожилками порфира. Оставалось гадать, каким образом шаману удалось доставить сюда плоский нёподъемный камень. Перепутанные, как

паутина, тросы издавали низкое гудение, слышимое не ухом, но телом. Они то и дело потрескивали, плюясь белыми искрами — было отчего нервничать привыкшему к дворцовой жизни правителю Суровеса.

Жожи IV, пыхтя, обошёл алтарь вокруг, благоразумно держась на почтительном расстоянии. Царское изобилие украшений колыхалось и позвякивало на тучной фигуре; длинный жезл, символ верховной власти, остро посверкивал на вечернем солнце бриллиантовыми вспышками. Охрана из четырёх воинов с мечами и дубинами следовала за правителем. Наверху оврага, по обе стороны, собралось большинство жителей Катуглы и живших в окрестностях города сельчан.

Жожи IV, немало повидавший за свою длинную жизнь, ни с чем не мог сравнить нынешний алтарь. Жуткая конструкция, которая могла родиться только в сумерках сознания Капука, Верховного шамана Суровеса! Правитель с сопением поднялся из мрачного оврага и встал рядом с колдуном, занявшим самое высокое место, откуда плита хорошо просматривалась. Капук сразу уловил нервозность правителя и сдержал усмешку.

— Вы считаете это необходимым? — обратился Жожи IV к шаману, взглядом указав на тросы. — Другого выхода нет?

— Я в этом уверен, о правитель, — ответил Капук, брезгливо обкатав на языке возвеличивающую приставку «о». — Наша армия неспособна сдержать набеги злобных тварей. Ваш сын — отличный полководец, но… Не вы ли просили меня найти решение проблемы? Я нашёл. Никто не упрекнет вас в слабости.

— В слабости меня никто не упрекнёт. Но последствия могут быть ужасными. Особенно для нашего народа.

Последнее Жожи IV добавил, не рассчитывая на отклик в чёрствой душе Капука. Тот не шелохнулся, так и стоял с гордо вскинутой головой, увенчанной короной из перьев. Правителю понадобилась немалая толика самообладания, чтобы выстоять рядом с Капуком, от которого всегда разило скрытой угрозой и немытым телом. Никуда не денешься, без Верховного шамана в уважающем себя королевстве не обойтись, и Суровес — не исключение. Жители обращались к нему по каждому непонятному случаю; Капук всегда давал исчерпывающее объяснение, настолько длинное и мудрое, что простой горожанин или сельчанин не в силах был его истолковать. Однако объяснение уже имелось,

а ведь это именно то, что и требовалось. Наслать на недруга болезнь и неприятности, сжить со свету, приворожить, сгубить скот неугодному соседу, пообщаться с умершими или духами — опять же обращались к нему. Лечиться шли уже не к нему, а к знахарям. Врачевание считалось грязной работой, недостойной высокой должности шамана. Покровительство богов обеспечивало шаману Суровеса статус неприкосновенности, убийство Капука влекло проклятие и на убийцу, и на его родных. Если бы не это обстоятельство, Капук был бы мёртв ещё вчера…

Гудение тросов нарастало, между ними всё чаще проскакивали грозовые разряды. Говор в толпе не умолкал, все напряжённо ждали. Жожи IV в волнении тискал древко скипетра и оттого смотрелся несолидно, что не преминул отметить Капук. Сам он тоже нервничал, но предстоящее торжество пересиливало страх. Настал его звездный час! Ещё немного, и он, Капук, воздвигнется до статуса полубога в глазах этих жалких существ, собравшихся здесь. Они всё увидят, запомнят и расскажут остальным. В успехе задуманного мероприятия он не сомневался: секрет обряда, как-никак, получен от богов напрямую.

Звук со дна оврага уже заглушал гул толпы, жители смолкли в суеверном страхе. Челюсти Жожи IV свело от страха, который правитель всё это время тщетно задавливал. «Знать бы наверняка, что задумал старый перечник, — с досадой думал он, украдкой кося глаз на невозмутимого шамана. — Не хотел соглашаться, но сделал это только во имя народа». Внешнее спокойствие Капука некоторым образом успокаивало: создавалось впечатление, что шаман знает, что делает. Гудение меж тем набирало обороты. Толпа суровесов уплотнилась и замолчала. Звук напоминал многократно усиленный шелест дождя, который бьёт по листьям. Ветви кустов и деревьев в овраге и впрямь лихорадочно тряслись. Вибрация проникала в тела и мужества зрителям не прибавляла. Гул перешёл в ураганный вой.

Земля пришла в движение и подобно воде потекла к алтарной плите, закручиваясь в гигантскую воронку. На глазах ужаснувшихся суровесов над плитой с низким свистом затанцевал смерч, втягивая в себя трескучие молнии с тросов. Его извивающееся щупальце шарило по чистому вечернему небу. Щупальце слилось с небесами, погасило синеву, разверзло высоту в чёрный тоннель. Лошади забились на привязи, хрипя и визжа от страха. Простолюдины с воп-

лями попадали ниц; на ногах остались только воины, Жожи IV и Капук. Последний с торжествующим криком, напрочь заглушённым рёвом стихии, вознёс руки в сторону тоннеля. Жожи IV, хоть и напуганный, всё ж поморщился, безошибочно определив театральность жеста. Из пасти тоннеля на зрителей обрушился неведомый доселе звук: надсадный протяжный стон и страшный грохот. Каждый понял: по ту сторону бездны идёт грандиозное сражение — битва титанов, здесь невиданная. Воины рефлекторно взялись за оружие, а лежащие вповалку простолюдины громко завыли. Жожи IV не удержался, пригнул голову, сдерживая рвущийся из горла крик. Глянул на Капука — тот стоял с торжествующе воздетыми руками, глаза безумно пылали. «Сумасшедший», — мелькнула мысль в затопленном страхом мозге правителя.

Натянутая подобно струне воронка тянула в их мир нечто огромное и бесформенное. Зелёно-бурая масса рухнула на алтарь, содрогнулась в корчах и замерла. Смерч мгновенно схлопнулся. Теперь на головы зрителей обрушилась внезапная тишина.

В лежащей толпе суровесов кто-то простонал, затем снова стало тихо. Жожи IV невольно потрогал уши: целые ли? Уши были на месте. Воины держались за мечи. Капук первый пришёл в себя, крикнул хрипло:

— Свершилось! Хвала богам!

— Это и есть чудовище, обещанное вами? — полюбопытствовал Жожи IV. Голос его предательски дрожал от пережитого. — Оно мертво, похоже…

Капук забеспокоился: великан, вызванный им из другого мира, лежал без движения. «Неужели все мои старания напрасны? Неужели провал? Нет, вроде зашевелился, хвала той бездне, которая его породила! Теперь я своего добьюсь. Надо только сбросить с хвоста ненужного зрителя, который не даст закончить ритуал».

— О, правитель, ритуал идёт как по писаному. Основное и самое сложное позади, осталось завершить некоторые формальности. Остались сущие пустяки. Возвращайтесь в Катуглу, вам необходим отдых.

— Мне лучше знать, что я должен. Я буду здесь до конца, — заявил Жожи IV, но уверенности в голосе не прозвучало. Правитель был напуган не меньше своих подданных. Необходимость сохранять величие в любой ситуации отнимало у него все силы, и боль-

ше всего на свете ему хотелось вернуться домой. И быть как можно дальше от неведомого чудовища.

— Не утомляйте себя, — холодно ответил шаман. — Вы нужны народу полным сил. Утром обо всём доложу.

— Хорошо, Капук. Жду вас утром в приёмной с первыми лучами солнца.

Жожи IV вздёрнул жирный подбородок и направился к карете. Лошади всё ещё дрожали, вскидывались, выворачивали в страхе глаза. Лицо шамана расплылось в недоброй улыбке. Единственный человек, который мог остановить ритуал силой власти, садился в карету. Остальные должны остаться и увидеть, на что способен Капук.

Как только Жожи IV удалился, шаман спустился к алтарю с лежащим неподвижно демоном.

Поверженный гигант не шевелился. Огненная боль, разрывающая тело, отпустила, но челюстей отнюдь не разжала. Стоило чуть шевельнуться, как она снова вцеплялась, хотя уже не так яростно. Кровавый туман, застлавший разум, постепенно рассеивался. Сознание улавливало непривычные ноты. Тихо, тепло, сухо. Воздух наполняли ароматы незнакомых растений и писк со стороны, который чудовище никак не могло распознать. Рука машинально потянулась к правому плечу; писк тут же смолк, зато откуда-то сверху и сбоку донёсся шорох, напоминающий вздох множества существ. Боль не возвращалась. Демон ощупал шею и плечо, куда получил смертельное ранение. Пальцы ощутили гладкую кожу и каменные мускулы, высохшая корка крови сыпалась под рукой. Монстр открыл глаза. «Совсем не таким я представлял себе ад, — обескуражено подумал он. — А в рай меня с таким пожаром в душе не пустят. А это, никак, черти? Забавно». Он окинул взглядом зевак наверху оврага, и те дружно попятились. «Кто так назойливо жужжит у меня под ухом?» Чудовище узрело тощую фигурку в полуистлевшей рясе, со всех сторон обвешанную побрякушками, пищащую пронзительным голосом. «А ведь я его понимаю, — удивился демон. — Как — не знаю. Какая-то форма телепатии, что ли? Где я, чёрт возьми, нахожусь?!» В реальность сна чудовище не верило ни на полпальца. «Ну-ка, что там вещает это чучело? Что моя рана… хм-м… как это по-нашему? Смертельна? Была смертельна, а теперь… Он спас меня от гибели? Любопытно. Я и в самом деле никаких ран не нащупал, а вот как получил ране-

ние — помню. Боль была весьма убедительной. Ну-ка, что там ещё? Он, значит, привёл меня в свой мир, спас от неминуемой гибели, его зовут Капук, и он тут самый могущественный и уважаемый? Главарь, то бишь, как его зовут… Ладно, приму к сведению. А на фига ему понадобился весь этот цирк? Победить… кого? Волков?! Вам, ребята, егерь нужен, а не воин. Потом этот визгливый упырь отправит меня обратно. Это дело. Кажется, я плохо понял… Жертву? Он требует принять жертву. Весело живёте, ребята!»

Капук нередко совершал обряды чёрной магии, требующие жертвоприношений. Запрет правителя заставлял шамана проводить подобные таинства секретно, при немногочисленных зрителях. Капука такое стечение обстоятельств не радовало, он искал случая «выйти из подполья». Тайну вызова демона он получил свыше, но в послании богов ни слова не было о необходимости жертвоприношения. Эту изюминку Капук решил добавить сам, стремясь достичь полной власти над чудовищем, а заодно как можно убедительнее запугать паству.

Неожиданно демон развернул огромное тело и поднялся на ноги, но, издав громоподобный рёв, рухнул на четвереньки. Половина зрителей, поражённая мощью и неожиданной резвостью адского существа, бросилась наутёк, воины обнажили мечи и сомкнули ряды. Даже Капук попятился и плюхнулся на землю задом, мгновенно растеряв надменный вид. Впервые в его голове мелькнула мысль, что план может не сработать. Он тут же вскочил, оглянувшись — не увидел ли кто падения. Суровесы о нём забыли — вовремя, хвала богам! Их взгляды устремились на монстра и на его страшные зубы.

Чудовище на мгновение застыло. Уходящая боль выдала последний аккорд и неохотно разомкнула челюсти. Именно эта внезапная вспышка вырвала из его глотки жуткий вопль. Великан покрутил лысой головой, удостоверившись, что боль отпустила окончательно и не вернётся, оглядел тяжёлым взглядом поредевшую толпу зевак, фалангу воинов с обнажёнными мечами, Капука, а затем перевёл взгляд на деревянный жертвенный стол, который в спешке принесли подручные шамана. На столе лежала прикованная девушка. «Похоже, самочка. Молода, миловидна, — думало чудовище, разглядывая жертву. — На рай это место определённо не похоже. Самый обычный мир с самыми обычными обитателями».

— Прими жертву!!! — исступленно заорал Капук.

«Чтоб тебя разорвало, сатанище», — досадливо подумал великан, морщась от пронзительных нот. Всё так же на четвереньках он переполз ближе к алтарю и закрыл собою весь обзор. Суровесы, содрогаясь и холодея, с любопытством тянули шеи, силясь рассмотреть, что там происходит. От жертвенного стола донёсся короткий крик страха и отчаяния. Над оврагом прокатился хруст ломающегося дерева и резкий звон цепей, и тут же из рядов воинов послышался безумный крик, переполненный злобой. Чудовище повернуло голову. Из пасти торчала окровавленная цепь, её свисающий конец качался в воздухе. Над алтарём возвышались обломки жертвенного стола. Один из воинов с воплями понёсся в овраг на чудовище, размахивая мечом. Товарищи догнали его, скрутили вчетвером. Монстр покачивался из стороны в сторону и утробно хрюкал, наблюдая за этой сценой мутным взглядом сытого животного. Буяна между тем увели наверх, несмотря на сопротивление и призывы. Капук не преминул с пафосом прокомментировать событие:

— Этот человек навлёк на себя проклятие, воспротивившись желанию богов!

Простолюдины подавленно молчали.

Капук ликовал. Одним ударом он решил сразу несколько задач. Наконец свершилось мщение, которого он жаждал с тех пор, как прекрасное существо по имени Лейлю отказало ему в любви. А её избранник, сын Жожи IV, обязательно вернётся, чтобы свести счёты с чудовищем. Если бы не эти четверо, которые остановили своего командира, всё было бы кончено прямо сейчас. Но Вобалут не успокоится, он обязательно вернётся. Кто победит, Капук не сомневался.

— Ты принял жертву, — обратился он к великану так, чтобы его слышали окружающие. — Теперь ты находишься в моём беспрекословном подчинении. Ты обязан выполнять только мои приказы. Только мои, слышишь? Ты меня понимаешь?

Монстр утвердительно рыкнул.

— До утра ты останешься здесь, а завтра отправишься на задание, ради которого я тебя призвал и спас от смерти.

После этих слов Капук поднялся из оврага, с величественным видом влез в паланкин и уехал в Катуглу. Ездить в карете, запряжённой лошадьми, было быстрее, но шаман предпочитал, чтобы

его возили люди. Воины, лишившись командующего, не сочли нужным оставаться около алтаря. Остальные зрители тоже покинули «театр», причём очень споро, кто пешком, кто верхом, кто на телеге. Суровесы, торопясь по домам, обсуждали увиденное, гадая, чем кончится каша, заваренная самым чёрным злодеем королевства.

Демон остался один. Он сидел неподвижно и вглядывался в контуры города, кажущегося отсюда выточенным в скалах. «Крепостная стена», — без труда догадался монстр. Его глаза опустели — огромное существо думало о мире, который оно оставило и куда жаждало вернуться. С наступлением сумерек оно свернулось клубком неподалёку от алтаря, освещённого факелами.

Тень безутешного мстителя не осталась незамеченной. Чудовище не шевелилось, только вслушивалось в окружающий мир. Оно запеленговало ещё одного полуночника, крадущегося вслед за первым. Оба ступали бесшумно, не шелохнув ни единого листика, не стронув с места ни одного камешка, однако даже такого мастерства оказалось недостаточным, чтобы их не заметил хищник, умеющий выслеживать таких же ловких и тихих.

Мститель остановился на границе света от факелов, а потом метнулся к чудовищу, целясь мечом в голую шею. В последний момент монстр выбросил руку, и оружие исчезло из рук Вобалута. Сын правителя остановился в замешательстве, увидел необъятные стопы в сапогах с короткими, плотно зашнурованными голенищами и задрал голову. Демон возвышался над ним, освещённый факелами со спины, меч он держал двумя когтями. Он сказал несколько слов на непонятном языке, но Вобалут благодаря колдовству Капука отлично понял смысл.

— Этим… — меч брякнулся под ноги сына правителя, — меня не убьёшь. Поцарапаешь только.

В звоне упавшего оружия Вобалуту послышалось презрение. Предводитель воинов Суровеса стоял безоружный перед чудовищем и сжимал кулаки в бессильной ярости. Ничего не мог он сделать с монстром, ничего!

— Будь ты проклят, утроба, — прошипел Вобалут сквозь стиснутые зубы, раздул ноздри, повернулся и пошёл прочь.

— Приди утром раньше Капука, — невозмутимо бросил великан ему в спину.

Вобалут в бешенстве повернулся к нему:

— Ещё одну жертву захотел? Не получишь!

— Получу всё, что захочу. Только тогда я помогу твоему народу.

Командующий армией Суровеса плюнул великану под ноги, потом растворился в ночи. Следом за ним крадучись последовал наблюдатель. Огромное существо улеглось на землю и свернулось калачиком. Глаза его закрылись, но спал он вполуха — вполглаза, впитывая в себя шорохи и запахи неведомого ему мира.

Утренний туман закутал рваным серым покрывалом склоны оврага. Факелы потрескивали и чадили, свет их стал блёклым. Ночной визитёр вернулся, теперь уже без оружия. Не скрываясь, приблизился к голове великана и встал напротив его жуткого лица, нижняя часть которого была покрыта короткой рыжей шерстью, очень жёсткой на вид. Великан приоткрыл веко, опушенное рыжими ресницами, и навстречу Вобалуту выкатился сонный, безразличный глаз. Веки другого глаза только дрогнули, но не открылись.

— Что это ты на себя навешал? — лениво ухмыльнулся демон.

— Ритуальное одеяние. Сантопогор, провожатый мёртвых, должен провести меня по Пещерам Тьмы, чтобы не пришлось искать дорогу в темноте. Там, в Цветущем Царстве, ждёт меня Лейлю. Мы всё равно бы встретились с ней в ближайшем будущем, но раз уж у меня нет возможности отомстить тебе за её гибель, я хотя бы принесу пользу суровесам, принеся себя в жертву. Хотя моё предназначение совсем другое.

Второй громадный глаз тоже открылся.

— Ты считаешь меня виновным в её гибели?

— Ты ещё и смеёшься, тварь? Моё проклятие достигнет тебя раньше, чем ты думаешь!

— Откуда столько уверенности? — скептически хмыкнул монстр. — Я не требовал жертвоприношения и жертву себе не выбирал.

— Значит, всё Капук придумал? Он и не на то способен. Но почему я должен тебе верить? Тем более что ты её сожрал, будто ненасытная гиена! Почему не отказался, почему? Ты не отказался от неё, даже несмотря на то, что Капук потребовал за это полного подчинения!

— Я хочу вернуться домой. В тот мир, из которого я пришёл. Капук должен быть уверен, что жертва принята, и что я пляшу под его дудку. Мне так же не хочется этого делать, как тебе сейчас идти к Сантопогору.

Вобалут горько рассмеялся.

— Она меня там ждёт, — промолвил он. — И я отправлюсь к ней с огромной радостью. Так жри же, каннибал!

— Ты так торопишься встретиться со своей возлюбленной? Подойди-ка ближе. Ещё ближе. Боишься? Ночью ты был решительнее!

Сын правителя гордо поднял голову и, подавляя нервную дрожь, быстрым шагом подошёл к демону. Тот уселся и вытащил из складок одежды бездыханное тело.

— Лейлю, — одними губами прошептал потрясённый Вобалут. — Но она мертва… Она хотя бы не пошла тебе в пищу…

— Она спит, причем давно и очень крепко. Капук явно опоил её какой-то дрянью.

Вобалут с трепетом принял изящное тело на руки. Лейлю зашевелилась и открыла глаза. Сначала они смотрели на воина без выражения, затем в них появилась нежность, а потом Лейлю вдруг выпрыгнула из рук Вобалута, пошатнулась и снова очутилась у него на руках.

— Как, Вобалут, и ты тоже здесь? Так быстро?

— Нет, нет, любимая, мы живы! Мы оба живы, Лейлю!

Девушка быстро огляделась, увидела монстра и испуганно вскрикнула.

— Не бойся, он спас тебя от смерти, — сказал сын правителя, крепко прижимая её к себе. — Похоже, нам ничто не угрожает. Но, демон, я же видел…

— Много ли ты видел? — рыкнул великан и обнажил страшные зубы, так, что Вобалут попятился.

— Но цепь у тебя в пасти была вся в крови…

— Я прокусил себе губу. Проще некуда, верно?

Вобалут посмотрел на губы великана и ничего не понял. И немудрено, ведь он не знал, как великан должен выглядеть. Что с разодранной губой, что с целой — все одно он страшное, непонятное существо из другого мира.

— Вобалут, — подала голос Лейлю. — Почему ты в погребальном платье? И эти амулеты — для чего? Их вешают на мёртвых для Сантопогора!

— Лейлю… Я собирался отправиться следом за тобой. Я думал, демон потребовал в жертву и меня!

— Но кто тогда будет жертвой? — вскрикнула девушка.

— Да никто! — снова рыкнуло чудовище с досадой. — С чего вы взяли? Вы что, без жертвы шагу ступить не можете?

— Но Капук сказал… — прошептала девушка, потом продолжила смелее:

— Он сказал, что демон, который готов прийти в наш мир, требует в жертву именно меня, и что он, Капук, готов за меня вступиться, но только если… Вобалут… Если я стану его любовницей! В прошлом году он предлагал мне стать его женой, но я отказала. Я думала, что избавилась от этого кошмара. И вот он снова…

— И что же? — прошипел военачальник, наливаясь яростью.

— Я ему отказала, и тогда он заставил меня выпить зелье, средство от страха и боли. Говорил — не бойся, ничего не почувствуешь. Только страхи, наоборот, превратились в кошмары, и я теперь не знаю, что мне приснилось, а что произошло на самом деле. Силы покинули меня, я не могла пошевелиться. И этот ужасный взгляд, от которого холодеет сердце!

Лейлю со страхом посмотрела в сторону чудовища и тут же отвела глаза. Вобалут спросил демона:

— Почему ты ничего не рассказал мне ночью? Я думал, милая мертва, готовился принять мучительную смерть, и ночь провёл в раздумьях!

— Но ведь не помер же! — цинично буркнул тот. — Ночью за тобой следили.

— Кто?

— Что значит «кто»? Тебе лучше знать обитателей родного мира.

— Ладно. Лейлю надо спрятать. Я знаю, где. А Капука убью, как только встречу.

— Не убьешь, — невозмутимо ответил монстр.

— Это почему же?

— Потому что только он может отправить меня обратно. Не забывай, что ты мне должен.

Вобалут упрямо склонил голову, но с доводом гиганта согласился. Лейлю набралась сил, и сын правителя опустил её на землю. Он взял девушку за руку, и влюблённые поднялись из оврага. Монстр тоже не остался на месте. Тише тени он скользнул под деревья вслед за ними и полностью растворился в зарослях. Так же беззвучно он «снял» наблюдателя и свернул ему шею.

Больше поблизости не было ни единой живой души, не считая проснувшихся пташек.

Вобалут между тем усадил возлюбленную на лошадь впереди себя и понёсся вскачь по направлению к гарнизону.

— Сейчас я поручу тебя другу, которого знаю с детства. Он отвезёт тебя знахарю из деревни Цыпиц.

— Но, Вобалут, я совсем не знаю этого селянина.

— И я его в глаза не видел, но тот знахарь не раз помогал моим воинам оправиться от ран. Так же, как помогает каждому, кто к нему обратится. Он живёт на окраине деревни Цыпиц и может тебя спрятать.

— А вдруг он откажет в помощи?

— Не откажет. А если откажет, придумаем что-нибудь другое. Ничего не бойся, самое страшное позади.

— Страшнее ничего представить себе нельзя! — содрогнулась Лейлю. — Кто он такой, этот демон?

— Никто не знает, даже Капук. Странный, непонятный.

— Страшный и злой!

— Не знаю. Теперь я думаю, он совсем не такой, каким кажется. О, я даже не спросил у него имени!

— Разве у такого может быть имя?

— У него обязательно должно быть имя.

Влюблённые замолчали, наслаждаясь непривычной близостью друг друга. Одежда девушки пропиталась запахом демона, но Вобалута это не смущало. Скакун свернул на тропу, ведущую к гарнизону. Парень спешился и привязал коня к ветке.

— Я сейчас, — шепнул он Лейлю и исчез в зарослях. Часового он нашёл без труда и отправил его за своим другом.

Великан между тем ожидал Капука, а тот всё не появлялся. Солнце поднялось достаточно высоко. В животе урчало от голода. Здешние леса наверняка кишели дичью, но демона держало на месте обязательство ждать. «Запаздывает, словно дева красная, — злилось чудовище. — Если к полудню не заявится, сожру негодяя». Если бы монстр знал причину задержки, это немало бы его позабавило.

Вобалут поручил возлюбленную хлопотам друга и, успокоенный, направил скакуна в город. Было уже позднее утро, горожане занимались обычными делами. Они провожали сына правителя удивлёнными взглядами, затем начинали беспокойно переговариваться. Таким же взглядом его встретила прислуга в отчем дворце. Охранник у дверей приёмной вежливо сообщил Вобалуту:

— У Жожи IV аудиенция с Капуком.

— Долго, Майер?

— С самого рассвета. О чём-то спорят, голоса слышно даже здесь. А теперь…

Из-за дверей приёмной отчетливо слышались странные для аудиенции звуки: крики, звон, грохот.

— Где твой меч, Майер?

— У вашего отца. Минуту назад он выскочил, одолжил меч и захлопнул двери перед моим носом.

Вобалут молча повернулся к дверям и схватился за ручки, но тут створки с силой распахнулись, будто их раскрыли с ноги, и принц получил жёсткий удар по лбу закованным в железо краем двери. Главнокомандующий схватился за лоб, Майер взял под караул, а мимо них пронёсся потрёпанный шаман, сильно припадая на правую ногу. Одной рукой он держался за поясницу, другой — за окровавленное ухо. Головной убор из перьев был наполовину сбрит, являя миру сальную проплешину. Вслед за Капуком в воздушных вихрях вертелись пух и мелкие пёрышки. Капук притормозил, обернулся и уставился на Вобалута, словно увидел привидение. Тот вспомнил, что до сих пор одет в погребальный наряд, и чертыхнулся про себя с досады. Шаман криво ухмыльнулся и заковылял дальше, хромая теперь уже на левую ногу. Воины переглянулись. Вобалут повернулся было, чтобы направиться в свои покои и переодеться, но далеко уйти не успел: из дверного проёма на него с изумлением взирал отец.

— Иди-ка сюда, сын мой, — поманил он пальцем.

— Я одет неподобающе.

— Неважно, сын. Беседа есть у нас.

— Что-то вы, отец, развоевались нынче.

Как только они остались наедине, грозный лик правителя стал печальным и усталым. Толстые щёки опали. Жожи IV бросил на пол обломок меча.

— Сломал об стену. Хотел сломать об спину. Вёртким оказался наш Капук. Как будто бы всю жизнь только тем и занимается, что уворачивается от мечей. Вобалут… твоё платье повергает меня в уныние. Нельзя же убиваться так… Я понимаю глубину твоей утраты, но пойми — её уж не вернуть… А мне нужна твоя поддержка.

— Нет-нет, отец, я не собираюсь покидать наш мир, отечество, особенно сейчас. Это был бы незаслуженный подарок Капуку. И, отец, вы правы, её поступком этим, увы, не воскресить.

— Признаться, известие о смерти Лейлю оказалось последней каплей. Если б я терпение своё хранил в бы чаше… Но я храню его

в котле. Крышка плотно подогнана и крепко привинчена. И вот… сорвало крышку. Если бы Капук хотя бы ради приличия состряпал постную мину, когда поставил меня в известность, но он торжествовал, и торжество своё скрыть не потрудился. Если б эта чёрная душа не оказалась настолько юркой, шаталась бы сейчас в Пещерах Тьмы в поисках Сантопогора.

Правитель сдержанно вздохнул, и сын пожалел, что не может сообщить ему всей правды: стены везде имели уши Капука.

— Отец, постарайтесь всё-таки его не убивать, он нужен нам живым.

— Он делает только то, что выгодно ему.

— Пока он действует в интересах народа. Там видно будет.

— Ох, не было бы поздно. Он рвётся к власти, сын.

— У него её достаточно.

«Он хочет занять моё место», — ответил взгляд правителя, и сын его понял. И не удивился. Жожи IV продолжил:

— Кроме него, никто не сможет управлять демоном.

— Сегодня утром я рассмотрел демона поближе. Не думаю, что всё так плохо.

— Да, сын. Если Капук с его помощью прогонит тварей от наших границ, это послужит некоторым оправданием его злодеянию. Надеюсь, Капук не обратит новое оружие против нас. Слишком большая сила у него в руках.

Вобалут только рассмеялся. Жожи IV продолжил:

— Сейчас он отправился натаскивать свою зверюшку. Проследи, чтоб он там лишнего не брякнул. Демон понимает наш язык?

— Это чудо, отец, но монстр понимает, о чём мы говорим, и мы тоже способны его понять. Хотя он разговаривает совсем на другом языке.

— Слова твои обнадёживают, хотя это не чудо, а колдовство. От нас скрыто даже ближайшее будущее, особенно сейчас, капли хороших новостей тонут в потоке новостей плохих, ужасных, и я устал от этого. Хуже всего, что я бессилен навести порядок на границе. Если даже Капуку с его чудовищем не удастся это сделать… Народа нашего не будет, Вобалут.

— Всё будет хорошо, отец, я уверен!

— Ты молод, сын. Будь осторожен! Иди. И саван сей сними немедленно!

— Сейчас же!

Вобалут вышел из приёмной.

— Майер, своего меча обратно не получишь. Жожи IV сломал его в беседе с Капуком.

Майеру не удалось сохранить серьёзную мину.

— Сочту за честь получить обломки, гы-гы-гы! Я сохраню их себе на память.

— Когда явится смена, загляни к правителю, порадуй старика, — улыбнулся Вобалут.

— Слушаюсь!

Обозлённый шаман объявился у алтаря только после полудня. Бросив поводья свите, такой же чёрной, облезлой и увешанной зловещими амулетами, Капук ловко спустился на дно оврага. Монстрище сидел, скрестив ноги и щурясь на солнце.

— Ты кормить меня думаешь, урод? — встретил он Капука.

Услышав обращение «урод», шаман издал нечленораздельный звук.

— Я могу и сам поживиться, побродив по окрестностям, — любезно сообщил монстр.

— Сиди здесь, прорва, — повелительно ответил Капук. — Еду тебе несут.

В овраг спускались четверо подручных шамана с тушей быка.

— Сейчас доставят вторую тушу, — пообещал Капук. — А тебе советую быть со мной повежливей, непочтительность выйдет тебе боком.

— Мне-то? – фыркнуло чудовище, оскалило зубы и издало длинный раскатистый рык. Лошади наверху заржали от испуга и забились на привязи. Подручные прытко припустили вверх по склону.

— Вторая туша! — крикнул им в спины Капук, не сомневаясь, что приказ будет выполнен, даже если его «шестёрки» от страха наделают в штаны.

— Ты забыл зажарить быка, — заметил монстр.

— Вторая туша зажарена, – с достоинством ответил Капук. — Ночью на тебя напал воин. Почему он ушёл невредимым?

— Что с ним могло случиться? Я призван защищать суровесов, а не убивать своих же подопечных.

— Он мог тебя покалечить. А ты сможешь вернуться в свой мир только при условии, что обеспечишь Суровесу безопасность.

— Покалечить? — ухмыльнулся монстр. — Я сейчас голоден, и меня интересует другое. Давай-ка договоримся, приятель. Раз уж

ты вызвал меня сюда, ты несёшь за меня ответственность. Если будешь кормить меня из рук вон плохо, я добуду себе пропитание самостоятельно. Не думаю, что тебе это понравится.

— Ты должен делать то, что я прикажу!

— Разумеется. Однако натощак мне будет сложно понимать твои приказы.

— Ты их прекрасно понимаешь. Уж я-то об этом позаботился. Пока я жив, ты будешь меня понимать, равно как и я тебя.

— Заблуждаешься, мерзкий старикашка. С пониманием у нас как раз не клеится, – ответил великан и вдруг рявкнул:

— Где жаркое?!

С ближайших деревцев посыпалась листва, в небо поднялась кричащая птичья стая. Капук вздрогнул и подумал, что с доморощенными отморозками ладить проще, чем с чужестранным демоном, пусть даже дружественно настроенным.

Подручные бегом притащили второго быка, третьим заходом они принесли тазы с овощами и фруктами. Монстр с аппетитом захрустел жареным быком.

— Что пить изволите в своём прекрасном мире? — поинтересовался он между делом.

— Из ручья попьёшь, — буркнул Капук и отвернулся. Монстр нежно подцепил его когтём за шиворот и повернул к себе.

— Молока. Компоту. Много. Вина, как видишь, я не требую. Оцени это. Кстати, имей в виду: я не ем сырое мясо.

Шаман, демонстративно приводя в порядок свои одежды, процедил:

— Быка зажарят.

Чудовище утоляло голод неторопливо и удивительно аккуратно, отрезая огромным обоюдоострым ножом большие куски мяса. Ожидаемого чавканья суровесы не услышали и немедленно обсудили новость между собой. Капук между тем выбрался из оврага и ожидал окончания трапезы с непроницаемым лицом.

Из гарнизона подтянулся отряд конников во главе с Вобалутом. Командующий резанул взглядом по Капуку и тут же сделал вид, будто шамана нет. Тот остался внешне невозмутимым и повернулся к монстру:

— Ты в составе отряда отправляешься к границе северных лесов, чтобы остановить нашествие волков. Я поеду во главе отряда и буду управлять твоими действиями.

Командующий гордо вскинул подбородок. Он-то лучше знает, кто здесь командует на самом деле! И не преминул это продемонстрировать:

— Отряд, за мной!

Тридцать воинов повернули лошадей вслед за предводителем, бесцеремонно повернувшись спиной к могущественному шаману.

— Любого из них сведу в могилу движеньем пальца, — процедил оскорблённый шаман им вслед. В голову ему пришла блестящая идея. Просветлевший взор он перевёл на демона:

— Ты повезёшь меня на плече.

Великан оскалил зубы, причём Капуку померещилось, будто тот скалится вовсе не от злости, а смеётся, и это зацепило. Приспешники, среди которых нашлись бывший плотник и бывший лесничий, довольно быстро соорудили подобие паланкина из седла, веток и ремней. Гигант послушно опустился на землю и замер в положении полулёжа, а подручные трясущимися от страха руками закрепили сооружение. Капук уселся в паланкине и тут же взметнулся на плече великана высоко вверх, так, что дух захватило. Не удержался, охнул. Чудовище издало длинное раскатистое рокотание и рысью отправилось вслед за отрядом. Свита осталась далеко позади. Приспешники не последовали за патроном, они повернули лошадей к Катугле. Капук о них забыл. Он возвышался над самыми высокими кустарниками. Тропа вилась далеко внизу, над ней мелькали огромные стопы великана. Мир прыгал перед глазами: вверх-вниз, вверх-вниз. У шамана возникло ощущение полёта. Он упивался высотой и могуществом.

В глубине лесов чудовище нагнало отряд воинов. Те приветствовали его дружеским уханьем, которое Капук приписал бы собственной персоне, если бы смог сфокусировать на нём внимание. Великан осторожно опустился на землю. Капук, стараясь не вертеть головой, огляделся в поисках свиты, но её не было. Выбираться из паланкина пришлось самостоятельно. Ни один из воинов не спешился, чтобы помочь. «Погодите ещё, — думал шаман с мстительной злобой. — Сейчас я вас трогать не буду, потому что каждый из вас необходим для предстоящего сражения, а вот потом...» Что потом, он не додумал, поплёлся бесцельно в сторону. Умолкшие воины наблюдали за ним с удивлением, переглядываясь между собой.

— Далеко ль собрался, о темнейший? — с издёвкой полюбопытствовал Вобалут. Днём раньше он ужаснулся бы, если бы кто-то

рискнул заговорить так с шаманом, но теперь ненависть убила суеверный страх. Капук остановился, будто его ударили в спину. Затем медленно обернулся, явив зрителям землистое лицо. Тут же он зажал рот рукой и ринулся в ближайшие кусты. Воины загудели:

— Что это с ним?

— Он выглядит так, словно нахлебался собственного зелья!

— Может, он богов, наконец, прогневал? Отравил, к примеру, не того?

В словах воинов слышалась насмешка, которую вполне мог услышать шаман — то, чего воины не позволяли себе ещё вчера из страха перед колдовством. Вобалут пребывал в отличном настроении. Он ещё не раз укажет Капуку, где его настоящее место во время боевой операции!

— Что стряслось с дражайшим шаманом, великан? — спросил он.

— Сядь на его место — поймёшь, — ответил тот, ощерил зубы и содрогнул воздух раскатистым рыком. Боевые кони беспокойно затанцевали под седоками. Воины насторожились, но затем один за другим принялись хохотать. Рассмеялся и командующий.

— Не желаешь прокатиться? — предложил великан.

— Капук запрещает командовать тобою. Хотя мне нечего терять, я проклят со вчерашнего вечера и для Капука я — мишень номер один.

— Ты мною не командуешь, — невозмутимо произнёс монстр.

Вобалут запрыгнул в паланкин. Великан поднялся на ноги, и сын правителя птицей взлетел вверх на его плече. Из горла невольно вырвался крик восхищения. Воины внизу приветствовали взлёт полководца радостным гиканьем. Из кустов выбрался помятый шаман и кинул наверх взгляд, полный неприкрытой ненависти.

— Командир уступил тебе боевого коня, темнота ты наша величественная, — осведомил его монстр. — И сделал это исключительно из милосердия. Присаживайтесь, будьте любезны.

Воины неприлично загоготали, сдерживая гарцующих коней. Капук был настолько зелен, что, казалось, зеленее даже представить невозможно, но к зелени теперь прибавилась чернота. Видя его перекошенное лицо, воины смолкли, запоздало вспомнив о шаманских способностях. Капук не без грации вскочил в седло и подбоченился.

— Вперёд! — скомандовал он. Отряд послушно пустил коней по тропе одного за другим, и Капук почувствовал некоторое удовлетворение. «Вспомните ещё этот хохот», — мрачно думал он, цепким взглядом выхватывая спины особенно смешливых вояк. Великан с командиром на плече замыкал шествие. У Вобалута поначалу обрывалось сердце, но он быстро привык. Обзор сверху радовал глаз. Слева от себя парень видел огромное рыжеватое ухо. Чудовище поправило покосившийся паланкин, и Вобалут разглядел вблизи его длинные, подвижные, обычно скрюченные пальцы, которые он принимал за когти. Когти же удивили его длиной. Вернее, тем, что были чрезвычайно коротки.

— Я думал, у тебя длинные когти, — сообщил он об этом. — Такими когтями невозможно пользоваться, как оружием.

— Разумеется, — негромко ответил великан.

— У тебя обязательно должно быть имя.

— Да ну? Быть того не может.

— У тебя нет имени? В каком варварском мире ты жил! Я дам тебе имя.

Великан тихо зарокотал и ответил:

— Есть у меня имя, светлейший!

Он назвал своё имя, но Вобалут не смог повторить первый звук. Получилось «Гор».

— Пусть будет «Гор», — покладисто согласился великан.

— Разговорчики! — рявкнул снизу Капук, и его голос показался писком.

Гор, оскалившись, снова зарокотал. Вобалуту захотелось ответить что-нибудь дерзкое, но сдержался. Чёрный злыдень мог отомстить, избрав мишенью для мщения его людей. И без того дерзостей прозвучало достаточно. Будь его воля, Капук шагал бы сейчас в Катуглу пешим ходом. Но им нужна, очень нужна помощь Гора, а тот согласен помочь только при условии, что шаман отправит его обратно, в родной варварский мир. А значит, во время боя придётся беречь того, кого Вобалут желал растерзать самым первым.

Отряд растянулся цепочкой вдоль тропы. Гор шагал бесшумно, словно дикая кошка. Плечо мерно уходило вниз и тут же поднималось, словно палуба корабля во время сносной качки. Довольно скоро Вобалут остановил отряд, и великан опустился на землю, чтобы командир сошёл с паланкина. Никто не произнёс ни слова. Один из воинов молча уступил ему коня, а сам взобрался

на паланкин. Вздох восхищения — и воин взлетел на высоту плеча великана.

Вобалут наблюдал за великаном. Зелёно-бурая одежда Гора сливалась с лесной растительностью, шагал он легко и удивительно тихо. Парень то и дело терял его из виду, словно Гор превращался в невидимку. «Невероятный. Он просто невероятный, — думал Вобалут. — Кое в чём он похож на нас: четыре конечности, ходит на двух, только вот коленки сгибаются в другую сторону. Зубы крупные, и их ужасно много — вот это оружие! Голова почти голая, лицо покрыто множеством тёмных пятнышек. Несуразный он какой-то. Но сильный физически. И самое невероятное, что он совсем не глупый. Вот поэтому я и пытаюсь приписать ему душевные качества, которых по определению не должно быть. Кем бы он ни казался, он — демон и сделает всё возможное, чтобы вернуться в свой мир. Вот именно — всё возможное. Не следует об этом забывать».

Следующий счастливчик, заменивший на плече воина, оказался нечувствительным к качке, и отряд больше не останавливался.

Ближе к вечеру сделали привал. Гор ещё в дороге поразмыслил и решил, что сражаться против волчьих зубов пинками не резон. Некоторое время он наблюдал, как ведут себя воины на привале, затем нашёл молодое дерево немного выше себя и стал шумно выкорчёвывать его из земли. Воины повскакали на ноги. Капук всполошился, крикнул издалека:

— Ты что творишь, громила?

Гор не ответил. Он вывороти дерево и тщательно отряхнул от земли корни. Вобалут признался себе, что изрядно струхнул. Капук воздел руки:

— Повелеваю тебе: остановись!

— Ты уверен, что прав? — буркнул Гор.

— На что тебе несчастное дерево?

— Оружие.

— Почему не доложил о своём намерении?

— Приказа не было докладывать. Будешь виться под ногами, могу не заметить и наступить нечаянно.

Гор уселся на землю, задумчиво вертя в руках дерево. Портить нож о ветки не хотелось. Вобалут сообразил, что великану понадобилась дубина. Он кликнул воинов, и те общими усилиями быстро очистили ствол от веток. Получилась неплохая палка, нечто сред-

нее между жердью и дубиной. Гор с удовольствием покрутил её в руках. Палка двигалась с такой скоростью, что исчезала с глаз. Воины одобрительно загалдели.

— Хватит забавляться, урод, — крикнул ему Капук.

— Его зовут Гор! — с вызовом ответил Вобалут.

На командующего воззрились все, кто был в отряде. Капук на несколько мгновений потерял дар речи.

— Та-а-ак. Запрещаю разговаривать с ним кому бы то ни было. Нарушитель будет строго наказан, — произнёс он. В голосе звучала неподдельная злоба. Его слова произвели гнетущее впечатление.

Привал окончился.

— Здесь недалеко есть небольшая деревня, — сказал командир. — Надо туда свернуть.

— Деревня Лисянка, — подтвердил один из воинов.

Никто не спросил, зачем туда сворачивать — приказ командира не обсуждается. Однако Вобалут пояснил:

— Нашего великана надо покормить. В деревне найдётся для него что-нибудь съестное.

Самый старый из воинов всё же спросил:

— Вы уж извините меня за дерзость, но демон не далее, как вчера съел вашу невесту. А вы о нём заботитесь. Не наше, конечно, это дело…

— Принести ему жертву — идея Капука. Гор не просил его об этом одолжении. Кроме того, великан нужен нам полным сил.

— Да, командир, вы правы. Вы уж меня извините. Полез не в свое дело, старый дурак…

«Старый дурак» кинул косой взгляд в спину Капука и занял своё место в отряде. А Вобалут скрипнул зубами с досады, что вынужден скрывать правду. Ведь все без исключения считают Гора виновным в страшной смерти Лейлю. «Не всё ли равно, что думают о Горе? Мне не всё равно, и это плохо. Не следует приписывать ему душевные качества, — размышлял командующий. — У него другая логика и другие мотивы».

На закате отряд ступил на территорию деревни Лисянки. Их встретила пугающая тишина. Вечерний воздух не двигался, тишину нарушали только комариный писк и пение цикад. Воины проверили каждый дом и ни души не встретили. Жителей обнаружил за деревней один из воинов и, весь перекошенный, сообщил об этом. Отряд понёсся туда. За деревней простирались поля, объятые ве-

черней тишиной. Ближайшее поле было залито кровью. Воины увидели разбросанные всюду обглоданные скелеты, нетронутую кожу и развороченные внутренности. В воздухе висел тошнотворный запах свежей крови. Воины стали совещаться.

— Здесь далеко не все жители, — произнёс пожилой товарищ. — Я в этой деревне был не раз, народу жило здесь гораздо больше.

— Значит, их забрали с собой, — сказал второй воин.

— Злодеяние совершено сегодня утром, — дополнил третий.

Вмешался Капук:

— Быстро по их следу!

Круг воинов рассыпался. Все смотрели на шамана с плохо скрываемой досадой.

— Где твой великан? — задал вопрос Вобалут и усмехнулся внутренне. Капук огляделся. Гор находился рядом, но замешательство шамана немного разрядило обстановку. Капук оглянулся на командира и прошипел:

— Недолго тебе жить осталось, парень.

Гор тем временем куда-то направился.

— А ну, стой! — крикнул Капук.

Монстр остановился.

— Куда тебя черти понесли?

— Дичь искать, костёр жечь. Зажарю на нём, что добуду, потом лягу до утра спать.

— Я приказываю…

— Как договаривались: не можешь меня накормить — я сделаю это самостоятельно.

С этими словами Гор с дубиной на плече растворился в лесу.

Воины, не проронив ни слова, отправились искать место для привала. Обезлюдевшую деревню обошли стороной.

Утром чуть свет отряд тронулся с места. Некоторое время далеко по окрестностям разносился взвизгивающий голос Капука, отдающего команды, однако воины выразительно молчали, и Капук очень скоро догадался закрыть рот. Шли по выраженному следу волков. Птицы пели звонко и отчаянно, копыта лошадей мягко постукивали по натоптанной тропе. Гор ступал настолько тихо, что воинам временами казалось, будто чудовище их покинуло. К его присутствию привыкли, и внутренний протест уже никто не испытывал.

Солнце подходило к зениту, когда след привёл к стойбищу неприятеля. На большой поляне, расчищенной от деревьев, располагалось множество округлых земляных домов. На высоких конструкциях из жердей сохла распяленная кожа. Суровесов встретил заградительный отряд волков, которые успели подготовиться. Гор увидел их впервые. Волки оказались крупнее суровесов, с голой кожей и громадной пастью, ощерённой двумя рядами раздвоенных, крючковатых зубов. Воины с хриплыми криками бросились на них. Волки не имели оружия, зато мастерски владели зубами. Они накидывались на суровесов с неописуемой яростью, норовя навалиться скопом на одного. Угодивший на зубы-крючья уже не мог с них соскочить. Суровесы оборонялись мечами, ловко распарывая врагам животы и срубая головы. Вобалут приказал лучникам взобраться на деревья и разить волков стрелами.

Враги оказались не только сильными и вёрткими, но и коварными. Один-два волка отвлекали воина, а сзади на него нападал третий. Проворные животные запрыгивали суровесам на плечи, целясь зубами в шею. Их тут же повергал на землю суровесский меч или палка-дубина Гора. Дерево в его руках мелькало с такой скоростью, что волки не могли подобраться к его ногам. Зато их настигали огромные стопы, страшными пинками зашвыривая зверей высоко на деревья или растаптывая, как это делали суровесские кони. Воины то и дело переглядывались между собой, поддерживая друг друга не только делом. Дружеские мечи и стрелы поддерживали гораздо более эффективно, равно как и свистящая в воздухе окровавленная палка великана. Вобалут ощущал единство и с соратниками, и с Гором.

Капук, едва завидев начало боя, свалился с лошади и метнулся за ближайшее дерево. Впервые он увидел сражение, и его обуял неуправляемый ужас. Лошадь убежала. Мелькали мечи, летели стрелы, кровь струями брызгала во все стороны, сверкали зубы, воздух заполняли крик, вой и ругань, а ещё до ноздрей шамана волнами долетал запах… Шаман любил кровь, он нередко устраивал жертвоприношения и с вожделением мазался кровью, и даже пил её, ещё дымящуюся, но здесь крови было чересчур много, и пахла она слишком сильно, не так, как привык шаман, и, главное, к ней могла прибавиться его собственная кровь… В сторону Капука понёсся волк, перед глазами шамана зависла зубастая пасть и чёрная глотка, бездонная, словно преисподняя. Зверя остановила

стрела, а на месте шамана осталась только позорная лужа. Сам Капук мчался по лесу, не разбирая дороги.

Последний раз Капук бегал ещё в детстве, когда спасался от злых ровесников, поэтому далеко он не убежал. Колдун остановился и обнял дерево, задыхаясь и поминутно оглядываясь — не гонятся ли? Погони не было видно. К шаману вернулась способность соображать. «Их стойбище совсем рядом, — размышлял он. — А это значит, местные леса кишмя кишат этими бестиями. Надо залезть на дерево, там они меня не достанут». Шаман не знал, откуда у него взялись силы, но он влез на дерево с поразительной прытью и затаился.

Волки стояли до последнего вздоха, ни один не покинул поле боя. Суровесы изрубили всех. Воины обошли каждый дом, но никого не нашли.

— Здесь нет ни одного волчонка, — доложили воины Вобалуту.

— Значит, волки увели самок и детёнышей. Они знали, что мы идём.

— Ещё бы не знали, — усмехнулся Гор. — Они в лесу, а значит — у себя дома.

— Здесь территория нашего королевства, — с возмущением ответил командующий, на что Гор ответил:

— Ты волкам это скажи, владыка леса!

Суровесы потеряли восьмерых, все поголовно получили серьёзные укусы. Волки, кусая, выдирали куски мяса. Воины перевязали друг друга, шипя и завывая от боли сквозь стиснутые зубы. Не уцелели и лучники, которые во время боя спрыгивали с деревьев, чтобы сразиться плечом к плечу с товарищами.

Гор с любопытством исследовал тело волка. Его удивили зубы — раздвоенные, растущие в два ряда, с зазубринами, направленными к корню, чтобы добыча не соскальзывала. Привлекли его внимание и развитые пальцы на передних конечностях.

— Эти твари внушают уважение, — поделился он впечатлениями с принцем. — Мощная зверюга, к тому же с зачатками разума. Достойный противник. Кстати, куда подевался самый отважный командир королевства?

Вобалута перекосило:

— Никому и в голову не придёт его искать.

— К сожалению, он мне нужен, — мрачно ответил Гор. — Так что найти его всё же придётся. Знать бы ещё, в какую щель он забился…

Воины устало засмеялись. «Придётся искать это чучело, — с неудовольствием подумал Вобалут. — Гор помогает нам, пока у него есть надежда на возвращение».

Капука отыскали по следам. Весь отряд собрался вокруг дерева, воины задрали головы.

— Вижу, вам компания наша надоела, — крикнул снизу командир.

— Отсюда хорошо видны окрестности, — с достоинством ответил Капук.

— Много ль насмотрел?

— Стойбищ поблизости больше нет.

— Разведчики уже об этом сообщили. Изволь спуститься, мы уходим.

— Мы уйдём, когда я скомандую.

— Если бы ты почтил бой высочайшим присутствием, ты знал бы, насколько воины нуждаются в отдыхе.

Конники зароптали.

— Говорить ему об этом смысла нет, — забурчал один из лучников вполголоса, чтобы шаман его не слышал. — Это всё равно, что стучаться в панцирь черепахи.

— Ты вспомнишь завтра панцирь черепахи, — с угрозой в голосе откликнулся Капук.

— Ты долго ещё будешь отягощать ольху? — поинтересовался Гор. — Похоже, у нашего коммандос серьёзная проблема. Решить без помощи он её не может, а нам торчать здесь бесконечно смысла нет.

Только после этих слов уставшие воины поняли, что колдун не может спуститься с дерева. Гор без труда взобрался наверх и спустил его на землю. Происшествие вслух никто не прокомментировал — Капука по-прежнему остерегались.

Погибших похоронили с почестями. Один из пожилых воинов сообщил, что неподалёку от разоренной деревни Лисянки есть лесное озеро, в котором можно обмыться, и вызвался проводить отряд туда. Озеро порадовало чистой водой. Воины плескались, насколько позволяли раны. Гор сбросил одежду и шумно выкупался. Пловцом и ныряльщиком он оказался отличным. Купался недолго — сказалась усталость после сражения. «Совершенно голая шкура, как у волков, — удивлялся на него Вобалут. — Редкие курчавые шерстины по всему телу, очень густые внизу живота. Окрас нерав-

номерный: спина тёмная, живот белый, по всему телу рассыпано множество круглых пятен, которые кажутся на нём совсем крошечными, словно брызги. На шее бечёвка с серебряным амулетом — ни разу таких не видел. Странное, ни на кого не похожее существо. На ногах — следы от укусов, много, штанины в крови. Неужели он уязвим так же, как и мы?» После боя он не мог избавиться от ощущения, будто между ними протянулась ниточка, слишком тонкая и непрочная, чтобы воспринимать её всерьез. Однако теперь Вобалута тянуло к Гору, как магнитом. Подойдя ближе, парень заметил, что голова и лицо великана обросли щетиной, отливающей на солнце рыжиной.

— Гор, у тебя на голове, оказывается, растёт шерсть!

Тот провел по макушке ладонью:

— И то правда. Спасибо, что сообщил, а то бы я не догадался.

— Если бы ты был суровесом, я бы подумал, что ты надо мной смеёшься.

— Над тобой? Нет.

— А щетина твоя похожа на вырубленный лес.

— Это как?

— Ну, когда лес вырубают, остаются пеньки.

— Пеньки? У меня, значит, пеньки отросли? — Гор ощерился и зарокотал. Вобалут вдруг понял, что великан так смеётся. Монстр умеет смеяться?! Это открытие настолько поразило командира, что от изумления он окаменел.

— Э, парень, ты что там, замёрз? — окликнул его Гор.

— Гор, я не знал… Не знал, что ты умеешь смеяться!

— Я и раньше смеялся, не заметил?

Вобалут чистосердечно покачал головой.

— Смех смехом, но вояки из вас никудышные.

— Никудышные? — возмутился командир. — Мы сегодня выиграли сражение, несмотря на то, что волков было больше!

— И потеряли восемь бойцов.

— Но в бою бойцы всегда гибнут, этого не избежать!

— Не избежать, но число погибших можно уменьшить. Твои воины непозволительно расслабляются во время привалов. Даже сейчас.

— Они устали после боя.

— Ты забыл, что волки в лесу чувствуют себя, как дома? Здешние места они знают лучше, чем вы, суровесы. Они умеют бесшум-

но передвигаться. Они способны напасть в любую минуту. В данный момент вы готовы принять бой?

— Мы всегда готовы принять бой, — отчеканил командир.

— Посмотри на бойцов. На что они сейчас готовы? Ты не соизволил даже выставить часовых. Которых, впрочем, любой волк бесшумно снимет…

— Если нападут, мы будет стоять насмерть!

— И потеряете ещё десяток-полтора воинов. Несчастные матери, вдовы, дети.

— Почему ты решил, что волки на нас нападут? Мы же их всех вырезали!

Гор захохотал.

— Простой ты парень, принц! Куда волки увели небоеспособных членов стаи? Сколько ещё стойбищ в ваших лесах? Неужели ты думаешь, что стойбище было только одно?

Вобалут насупился и молчал. Он чувствовал себя, как ученик, с треском проваливший экзамен. Причём по предмету, в котором считал себя асом. Первым порывом было ответить резкостью, но он понимал, что Гор прав. Командир отошёл от великана, чтобы обдумать услышанное. Через некоторое время вернулся и увидел у него прямоугольный лист, умещавшийся в ладони Гора.

— Что это? — спросил Вобалут.

Гор молча протянул ему лист. Парень взял его двумя руками и увидел изображение сильно обросшего и оскаленного чудовища. Оно было той же породы, что и Гор. Вобалут вернул картину великану. Тот посмотрел на изображение с особенным блеском в глазах, затем убрал его в левый карман на груди. Жест, которым Гор прятал картину, привлёк внимание Вобалута. Его поразила неожиданная догадка.

— Это твоя невеста?

— Это мой ангел.

— Что?

— Ангел-хранитель. Жена. Она молится за меня нашему богу. И пока она молится, со мной ничего не случится.

Вобалут и сам не заметил, как подобрался к великану вплотную и вытянул шею.

— У вас есть дети? — спросил он.

— Мы ждём ребенка. У нас будет сын.

Вобалут открыл и закрыл рот.

— Да, Гор… Тогда я понимаю, почему ты так рвёшься домой. Гор, я хотел спросить о волках…

— Молчать! — послышался осатанелый голос. К ним приближался разъярённый Капук. — Запрещаю любые разговоры с монстром! Вобалут, убирайся к своим воякам и не смей приближаться к чудовищу!

— Он — твоя собственность? — озлился Вобалут.

— Я вызвал его из другого мира, чтобы он спас Суровес от нашествия волков, я несу за него ответственность, только от меня зависит, будет ли спасено королевство, и только я решаю, кто имеет право говорить с демоном, а кто — нет! Если ты, королевское отродье, ещё хоть раз к нему подойдешь, я нашлю хворь на твои ноги и на твою смазливую мордашку, а потом посмотрю, с кем и как ты будешь общаться!

— Я сложу оду о вашей любезности, Капук. Её будут преподавать в школах на уроках этики и морали, — злобно огрызнулся Вобалут и неохотно отошёл от Гора. Капук перевёл взор на великана:

— Запрещаю тебе разговаривать с суровесами, урод! Иначе твоё возвращение домой не оправдают никакие победы.

— Не слишком ли много условий, ваше темнейшество?

— Ты ещё не расплатился за жертву, которую от меня получил.

— Если ты подсунешь мне ещё одну жертву, тебе придётся сожрать её самому. Я прослежу, чтобы ты ел её добросовестно, каждую косточку обглодал.

— Не равняй меня по себе, каннибал! Если ты думаешь, что сын правителя простил тебе возлюбленную, ты глубоко заблуждаешься. Он отомстит, и сделает это подло, за спиной.

— Не равняй по себе, Капук, — вернул ему Гор. — Труби общий сбор, самое время. А не то растеряешь у армии остатки авторитета.

Гор угодил в самое больное место. Капук понимал, что его авторитет в отряде держится исключительно на суеверном страхе. Однако страх и уважение — вещи разные, и сейчас шаман ощущал это особенно остро. С каждым разом положение усугублялось растущим презрением, которое воины, люди в большинстве простые и грубоватые, не умели скрывать. «Погодите, вы меня ещё зауважаете», — мучаясь злобой, думал Капук. Размышлял он не только о мщении. Уцелевшие воины принесут в казармы новое отношение к его, Капука, персоне, и заодно расскажут о подробностях боя. Новости разнесутся по королевству. Надо было торопиться. Было

ещё одно обстоятельство, толкающее Капука на особые меры. Увидев стойбище и сражение, он понял не хуже Гора, что освобождение Суровеса от волков может затянуться. А власти хотелось немедленно.

Вернулся из леса конь Вобалута, убежавший от Капука. Командир обнял его за шею, словно старого товарища, погладил бархатный чуткий бок. Почувствовал на себе взгляд, оглянулся. Гор наблюдал, как он общается с конем, и щерил зубы. «Улыбается», — догадался Вобалут и улыбнулся в ответ. А ещё оскаленные зубы Гора натолкнули на мысль, которая мелькнула во время боя, но размышлять тогда было некогда. Вобалут попытался ухватить её за хвост, но та увильнула.

Отряд заночевал в лесу. Ближе к утру Капук разбудил Гора, тряся его за ухо обеими руками.

— Чш, тихо, — зашипел он в это же ухо. — Мы уходим.

Гор оглянулся. Отряд спал. Часовых скрывали кусты и темнота. Капук сел на лошадь:

— Показывай дорогу, — приказал он великану. — И не вздумай врать, будто ты, вояка, её не запомнил.

Пробуждение воинов было тяжёлым, словно они всю ночь гуляли по кабакам, выбирая самое дешёвое пойло.

— Нас, никак, шаман облагородил, — догадался один из воинов.

— Подлил какую-то пакость в котёл, — предположил второй.

— А ведь, пока мы так вот спали, на нас могли напасть волки! — возмутился третий.

— Клянусь Сантопогором, я сейчас его сам облагорожу! — прорычал четвертый, но не смог подняться на ноги.

Четвёртого нещадно полоскало, пятый ослеп, а лучника, который помянул панцирь черепахи, разбил радикулит. Каждого воина постигла какая-нибудь неприятность. Вобалута поразила зудящая сыпь, стянувшая ему кожу, и руки скребли тело сами, стоило только ослабить над ними контроль. «Ну, доберусь я до тебя, душонка чёрная, да посмотрю, как ты вертеться будешь под мечом. Не успокоюсь, пока нам облик не вернёшь», — подумал он, но вслух не смог произнести ни слова, язык не слушался.

— Возьму за ухо колдуна да подниму на воздух так, чтоб ножками он дрыгал! — взревел один из воинов, которого скрутила боль в желудке. — И не отпущу, пока здоровье не вернёт обратно нам!

На том и сошлись: силой заставить Капука исправить злодеяние, терять всё равно было нечего. В том, что нечего терять, каждый из них сомневался, но настроены все были решительно. Отряд тронулся в обратный путь. Птицы с ветвей наблюдали скорбное зрелище: не победители возвращались, а инвалиды, и оттого дорога в сто крат удлинилась.

Немного в стороне от пути располагалась деревня Цыпиц; всё существо сына правителя стремилось туда. Вобалут решил воспользоваться крайней медлительностью отряда и частыми вынужденными остановками и завернуть в Цыпиц. Он снял с себя все отличительные признаки главнокомандующего, чтобы никто из встречных не признал в нём принца, объехал деревню стороной и не без труда отыскал избушку знахаря. Здесь, в крошечном домике, обитала невольная изгнанница, его невеста. Вобалут вошёл в домишко пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку. Сени заполняло множество засушенных трав, плодов и кореньев. Зайдя в жилое помещение, он увидел у печки знахаря, стоявшего к нему спиной — маленького ростом, сгорбленного, белого. Старичок повернулся к вошедшему, и Вобалут с удивлением увидел не деда, а мальчишку лет двенадцати. Мальчик посмотрел на него настолько чистыми синими глазами, что в них, казалось, отразилось навсегда небо вместе с призрачными облаками, и перевёрнутые деревья, и сам принц, тоже перевёрнутый — так Вобалуту показалось.

— Добрый день, — улыбнулся мальчик. — Лейлю! Вобалут приехал!

Изумленный сын правителя ничего не успел предпринять, как из комнаты выпорхнула его возлюбленная, самая прекрасная, прекрасней солнца. Вобалут настолько был потрясён встречей и внезапной близостью с любимой, что упал перед ней на колени. Лейлю тихо ахнула и сама обняла его. Мальчик тихонько выскользнул из домика.

— Что с твоим лицом, Вобалут? — спросила Лейлю.

Тот смутился. Он не предположил, что сыпь на лице тоже видна. Он хотел написать на чём-нибудь, что приключилось с ним и его людьми, особенно о своих намерениях по отношению Капука, но в домик вернулся мальчик. В ответ на недоумённый взгляд Вобалута Лейлю пояснила:

— Это знахарь.

Сын правителя поперхнулся изумлением.

— Дедушка уже два года как в Цветущем Царстве, — пояснил мальчик. — Он научил меня, чему успел, а перед смертью вдохнул в меня знание богов. Остальному учусь сам.

Вобалут мешался под ясным взглядом прозрачных глаз. Так умеют смотреть только дети не старше трёх лет! «Мальчик не в себе, — догадался Вобалут и испугался за любимую. – Она живёт под одной крышей с безумцем! Если бы я знал… Но куда её теперь спрятать? И главное — как долго придётся скрывать её от всех?»

— Я ждал вашего приезда, принц, — сказал знахарь, а сам неторопливо складывал в глиняный горшок разные травки и коренья, которые сушились и здесь. — Сейчас я приготовлю снадобье, одно на всех, которое снимет напасть и с вас, и с вашего войска. Ненастоящие это болезни, всего лишь чары. Чтобы наслать истинную немощь, надо применять разные средства — для каждой болезни своё. Так же, как и для лечения. У Капука не было времени.

Сын правителя замычал. Он хотел сказать, что, когда злодей доберётся до дома, времени у него будет достаточно, и тогда воинам точно не поздоровится. Знахарь между тем залил содержимое горшка кипятком, присыпал порошком и поставил на печку. Пока снадобье подходило, Лейлю и знахарь, которого звали Таюр, рассказывали Вобалуту нехитрые местные новости.

— Хватит, — решил Таюр, голыми руками снял горшок с печи и дал сыну правителя понюхать отвар. Пахло приятно.

— Ух, — произнес Вобалут после первого же глотка и страшно обрадовался. — Лейлю! Наконец ко мне вернулась речь! Таюр, ты настоящий знахарь, напрасно я сомнение держал, как камень за спиной. Капук жестокое придумал мщение — отнять у меня язык.

— Глотни ещё, — велел знахарь.

Горячий отвар обжёг нёбо и оставил терпкое, горьковатое послевкусие, которое понравилось Вобалуту.

— Теперь тебя в покое зуд оставит, — уверил мальчик. Вобалут одёрнул руку, которая помимо его воли чесала бок.

— Пусть каждый воин хлебнёт напитка, напасти сразу же отступят.

— Не знаю, как благодарить тебя. Вот кошелёк…

— Зачем? — засмеялся Таюр. — Всё, что мне нужно, растёт возле дома. Одежду и обувь приносят сельчане, которых я лечу.

— Пусть добро, которое ты даришь, воздастся сторицей тебе, добрая душа! Помог ты воинам, которые победили в открытом бою волков! С победой возвращаемся, и если бы не этот… Ух!

— Ты сражался! — ахнула Лейлю, всплеснув руками, глаза её увлажнились и наполнились неподдельным страхом. — Когда же это кончится?

— Скоро, милая! С нами Гор. Тот великан, который спас тебя от Капука. Он поможет нам, пусть даже корыстно…

Попрощавшись со знахарем, обняв затрепетавшую возлюбленную, Вобалут покинул селенье Цыпиц.

Пока мучимые ненастоящими недугами победители медленно продвигались к Катугле, Капук благополучно добрался до столицы. Силой магии он распалил на центральной площади Катугла огромный костёр. Мертвенно-голубое пламя брало начало на голой брусчатке и с рёвом рвалось в небеса, источая не жар, а холод. Деревья поблизости отбрасывали зловещие тени. Приспешник Капука бил в гонг, который служил для созыва горожан во время стихийных действий или нападений противника из соседних королевств. Гонг был старый, четырёхсотлетний, состоял он из двух больших тарелок, закреплённых в круглой раме, подвешенной на углу древней часовни на краю площади. К адскому кострищу стекались горожане, побросав дела. То, что Капук вернулся, и вернулся только с демоном, знал уже весь город. Суровесы, объятые суеверным страхом, бестолково толпились, не приближаясь слишком близко, опасливо таращились на пламя и на великана. Зеваки заняли все крыши и деревья в округе. На лоджию королевского дворца торжественно выплыл Жожи IV.

Приспешник по знаку Капука перестал сотрясать ударами гонг.

— Подними меня на плечо, — велел шаман Гору. Взметнувшись над головами, шаман левой рукой ухватился за ухо великана, чтобы не упасть, а правую простёр над толпами:

— Слушайте, суровесы! Вчера мною в честном бою была одержана победа над волками! Победа над страшным врагом, который коварно пришёл на наши земли, опустошал наши селенья, сжирал живьём людей, не щадя ни детей, ни женщин! Рано или поздно волки уничтожили бы все наши деревни и города, а потом добрались бы и до Катуглы. Все вы пошли бы в пищу страшным людоедам! Но теперь вам нечего бояться. Посредством демона, которого я вызвал из другого мира, прогнал я прочь смертельного врага.

Я сохранил королевство и спас ваши жизни. И теперь я — ваш полноправный властелин!

— Вы — Верховный шаман королевства Суровес, уважаемый Капук! — громко напомнил ему Жожи IV. — За победу вам огромная благодарность от народа Суровеса и от меня лично. Я награждаю вас Орденом Победы, демон получает медаль за храбрость. А теперь ответьте, пожалуйста, куда подевался отряд, посланный в помощь демону? И все ли живы?

— Вы заговариваетесь, о, правитель! Отныне вы больше не король! Так желают боги!

Голос Капука многократно усилился и рикошетил вдоль улиц между зданиями. Голубое пламя загудело громче и раздалось вширь. Народ попятился.

— Корона Суровеса передаётся по наследству из поколения в поколение, — прокричал Жожи IV, но его голос безнадёжно терялся в рёве пламени. — Неужели боги решили нарушить свои же традиции?

— Такова их воля! — прогремел потусторонний голос Капука.

«Будь моя воля, твоя голова летела бы сейчас через городскую стену, — думал Гор, с омерзением ощущая, как шаман беспокойно елозит по его плечу. — Что задумал, паскудёныш! Одно у меня желание — вернуться домой, и поэтому до ваших разборок нет у меня никакого дела». Таким образом Гор пытался себя убедить, но громадные глаза его от негодования пылали зеленью и ворочались в глазницах, запугивая народ ещё больше.

— Шагай к дворцу, — пропищал Капук ему в рыжее ухо. — Сними с лоджии вон то отребье и шлёпни его о брусчатку, да покрепче.

Гор прытко тронулся с места, отчего Капука отбросило назад, и если бы он не вцепился то самое ухо, его бы сбросило вниз. Великан недовольно дёрнул головой.

— Поаккуратнее, верзила, — злобно пискнул Капук. — А не то и ты глаз не откроешь. Слепым домой вернёшься.

— В долгу не останусь, — пообещал Гор, взял двумя пальцами взвывшего от страха правителя и спустил его на землю.

— Я же сказал — шлёпнуть! — заверещал шаман.

— Извини, забыл. Память у меня короткая.

Прямо перед собой Жожи IV увидел громадные ступни в жутковатых сапогах с канатами, переплетёнными спереди крест-накрест.

Низложенный правитель подобрал полы мантии и побежал с площади, опасаясь, что ступни начнут его топтать.

— Ату его, ату! — визжал шаман в исступлении, отчего демон оглох на одно ухо. Суровесы побежали с площади, на дорогах возникла давка. «Зверинец», — с досадой подумал Гор и ссадил с плеча кричащего Капука.

— Немедленно верни меня на место!

— Где же твоё место, властелин?

— На плече! У тебя на плече! — кричал Капук, не уловив насмешки.

— А ты уверен?

Капук, несмотря на раздирающие его противоречивые чувства, сообразил:

— На королевскую лоджию!

«Ухо спасено», — подумал Гор, бесцеремонно ухватил шамана за шиворот и забросил его на лоджию. Тот ыкнул, приняв жесткую посадку, тут же выпрямился и вцепился в перила нервными пальцами.

— Суровесы! — крикнул он в спины бегущих соотечественников. — Отныне вы являетесь моими подданными!

Никто не обернулся, все бежали прочь. Капук приосанился. Мечта сбылась, хвала богам и особенно — его непревзойдённой смекалке. Новый правитель собрался было покинуть лоджию, но его остановил Гор:

— Вы стали забывчивы, о, правитель.

— Слушаю тебя! — подобострастно ответил Капук.

— Я помог вам добиться поставленных задач. Теперь вы обязаны отправить меня обратно.

— Ты слишком тороплив, демон. Скоро сюда явится принц, которому трон принадлежит по праву рождения, но ты поможешь мне исправить это недоразумение. Затем ты вернёшься в ту же преисподнюю, откуда я тебя вытащил. И не забудь — я спас тебя от смерти!

С этими словами Капук величественно уплыл с лоджии во дворец, неосознанно подражая Жожи IV. Монстр смачно плюнул ему вслед, и отвратительный плевок повис на лоджии. Гор поморщился, спохватился и озабоченно потрогал лист с изображением жены в левом кармане. Хотелось напиться. Самозванец не дал ему никаких распоряжений, и великан пошёл по городу

в поисках бара. Суровесы при его виде разбегались во все стороны.

Город строили существа, которые строить умели. Жители любили Катуглу: улицы чисто подметены, а может быть, и помыты, всюду насажены цветы, кроны городских деревьев населяло множество птиц. Крыши трёхэтажных домов доходили великану до подбородка.

Бар нашёлся на ближайшей улице. Гор без труда распознал его по изображению бутыли. Нагнулся, постучал пальцем в дверь:

— Хозяин! Выходи, не бойся. Я никому здесь не причиню вреда, и тебе тоже.

На стук вышел не хозяин, а хозяйка. Она тряслась от страха, но всё-таки подбоченилась.

— А хозяин где? — удивился Гор.

— Отсиживается в подполе, — ответила та неожиданно низким голосом, в котором Гор отчётливо уловил презренье к мужу.

— Вы — смелая женщина, — сообщил он ей. — Вы это знаете?

— Как не знать? Об этом знают все буяны в округе, которых я периодически вышвыриваю из бара. Что желаете, демон?

— Вина. Крепкого. Много.

Женщина отправилась за вином. Гор почувствовал на себе взгляд, насторожился и огляделся по сторонам. Жители таращились на него из окон. Множество глаз, в том числе детских, смотрели на него с любопытством и страхом. Встретившись с ним взглядом, суровесы исчезали в недрах домов. «Сейчас напьюсь и засну где-нибудь под забором. В каком виде я предстану перед ними? — мрачно размышлял Гор. — Даже если я уйду из города и завалюсь где-нибудь в чаще, всё равно ведь найдут и будут пялиться. Буду я пьяный, чёрный, вонючий и отвратительный. Помыться негде. Срам не оберёшься. Куда запропастился Вобалут с ребятами? Видать, вернулся в гарнизон. Он знает хоть, что отец низложен? Лучше бы не знал. Сходить бы к нему в гости, да накличу на парня неприятностей, а у него их и так много». На порог бара вышла хозяйка с бурдюком.

— Неси назад, красавица, — сказал ей Гор. — Ваш новый владыка — невероятный жмот. Мне он ни гроша не платит, и вам за выпитое мною платить не станет. А вам детей кормить...

— Что же теперь будет? — спросила осмелевшая женщина.

— От вас зависит.

— От меня?

— Да. От всех суровесов. Править вами будет тот, кого вы заслужили.

Хозяйка захохотала, и Гор улыбнулся ей, не показывая оскала — знал по опыту, как пугает всех его широкая улыбка. Некоторые окна стали открываться: суровесам стало интересно, отчего так заразительно хохочет бойкая соседка, не опасаясь демона. Гор поговорил с ней ещё немного, поскрёб рыжую щетину на макушке и отправился бродить по вечернему городу: может, кто ещё попадётся храбрый и общительный?

В это самое время Капук выслушивал одного из приспешников.

— Деревня Цыпиц, говоришь? — сузил он угольно-чёрные глаза. — А жители не могли обознаться? Точно он?

— Точно. Его узнали несколько человек. Кто ж не знает Вобалута?

— С кем он встречался?

— С местным знахарем. У него, говорят, три дня назад объявилась молоденькая девушка, и очень красивая. По описанию похожа на Лейлю.

Капука подбросило, словно на пружине:

— Не может быть! Этого не может быть! Лейлю сожрал демон, я видел собственными глазами!

— Я тоже видел, о, правитель, — согнулся в три погибели приспешник. — Но что мы видели на самом деле?

— Цепь окровавленную у него в зубах. Спиной он всё загородил, не дал мне насладиться её плотью, которую сминают зубы монстра.

Капук сжал кулаки.

— Сомневаюсь я теперь, покоя нет. Однако же, кем бы она ни была, Вобалут встречался с ней, а значит, сердце его там. Отлично. Достану его сердце, пригодится. Уже темнеет, я устал. Мечом я намахался в битве… Завтра утром я зашлю «сватов» в деревню Цыпиц, — усмехнулся шаман. — Нет, никому я не доверю, поеду сам. Монстра здесь оставлю стеречь порядок. Вобалут без языка со сборищем немощных инвалидов навряд ли повредит в моё отсутствие. Пшёл отсюда! Ты мешаешь мне.

Приспешник, пятясь задом, покинул королевскую приёмную. Капук встал напротив зеркала, любуясь на себя в мантии и короне то с одного, то с другого бока. «О, если это Лейлю… — размечтался

он. — Но нет же, быть того не может. Быстро Вобалут утешился! Смогу утешиться и я — и вместо Вобалута!»

Чуть рассвело, Капук был в дороге по пути в деревню Цыпиц. Его сопровождали двадцать воинов на случай нападения волков и четверо приспешников, чтобы ухаживать за ним: новоявленная королевская особа быстро вошла в роль.

Капук ненамного разъехался с отрядом Вобалута: воины вошли в гарнизон, когда городские часы пропели пять — завтрак уже окончился, а до обеда было ещё далеко. Победители узнали от сослуживцев последние новости, и гарнизон в полном составе под руководством командующего ворвался в город. Снова загудел вибрирующий гонг, снова жители потянулись на центральную площадь. Шли неохотно, не ожидая ничего хорошего. Увидев воинов и Вобалута, удивлялись, радовались, тянулись к сыну бывшего правителя. Родные воевавших с радостью встречали членов семей; громко рыдали те, кто не дождался мужей, сыновей и отцов с похода. Вобалут с несколькими воинами внедрился во дворец в поисках самозванца. Народ смолк разом: на площадь пришёл Гор. Увидел знакомых из отряда, оскалил зубы, отчего суровесы шарахнулись во все стороны. Воины из гарнизона устояли, а те, что участвовал в походе, искренне обрадовались, даже сами удивились.

— Доброго здравия, Гор! — хрипло поздоровался пожилой воин.

— Вам того же! — с почтением ответил тот. — Где Вобалут?

— А вон он, — кивнул головой на императорскую лоджию один из воинов. — Что-то я не вижу у него в руке головы достопочтимого шамана.

— О, Гор! — воскликнул Вобалут. — Ты, случаем, не знаешь, куда девался Лже-Жожи IV? И где находится истинный правитель? Где мой отец, Гор?

— Самозванец, едва успев глазоньки продрать, ускакал в неизвестном направлении. Показать могу лишь пальцем. Взял с собой десяток воинов да четырёх прихлебателей. Меня оставил обеспечивать порядок в городе.

— На улицах порядок, это верно. Но где…

— Честной народ, кто знает, где Жожи IV? — крикнул Гор поверх голов.

— Я здесь, я здесь! — кричал Жожи IV в ответ, пробираясь между суровесов. — Сын, где ты был? Хоть жив, хвала богам! Не ранен?

— Я ранен в сердце, папа! Как вы могли такое допустить?

— Но что мне было делать? Капук натравил на меня своего демона, — бывший правитель покосился на Гора. Тот честно попытался покраснеть, да только ничего не вышло. — Я думал, он меня затопчет. Спасибо добрым людям, не оставили меня на улице.

— Гор, это так? — грозно спросил Вобалут.

— Всё так и было, — ответил великан, не моргнув глазом.

— И ты бы затоптал моего отца?!

— Я так похож на душегуба?

— А то нет! — возмутился Жожи IV. Его слова вызвали смех среди воинов.

— Вобалут, я не топтал даже собак, обтявкавших меня на ваших задворках. Утром, пока я спал, какая-то шавка мне всю морду облизала...

Гор вытер рукавом свою физиономию, и вид у него стал не пугающий, а потешный. Народ вокруг хохотал. Вобалут покинул лоджию и выбежал на площадь, чтобы обнять отца.

— Отец, ступайте во дворец. Пора приступать к делам государственным.

— Нет, сын мой, я отныне не правитель. Корону я отдал, спасая жизнь, и грош цена теперь мне, как владыке.

— Но Суровес нуждается в правителе!

— Он есть.

— Вобалут! — закричали из толпы.

— Вобалут! — дружно подхватили суровесы. Воины подняли изумлённого Вобалута выше, а Гор усадил его к себе на плечо.

— Приветствую тебя, новый правитель Суровеса! — торжественно объявил великан. Его голос прокатился вдоль чистых улиц. Жители Катуглы поддержали новость шумным скандированием.

— Что мне делать? — в замешательстве пробормотал Вобалут.

— Править, — ответил Гор и вернул принца на лоджию.

«Уже третий за последние сутки, — ухмыльнулся про себя великан. — Я пережил здесь уже третьего правителя!» Вобалут царственным жестом поднял руку, и народ смолк.

— Суровесы! Сильный, храбрый народ, уважаемый в любом королевстве! До сих пор мы с честью отстаивали свои земли, побеждая любого, кто приходил к нам с войной. Мы победили афустеров. Мы наголову разгромили родерупов. Наши предки испокон веков били и тех, и других, и мы с честью продолжили славную традицию

побеждать. Нынешний враг — волки — силён, хитёр и умеет воевать, но мы и его изгоним из нашего королевства. Мы вернулись из похода с первой победой, и эта победа — не последняя. Гор, великан из другого мира, помог нам одолеть врага в этом бою, но впредь нам придётся обходиться своими силами, и я уверен, что мы справимся. Гору необходимо вернуться к себе домой, я заставлю шамана свершить обещанное. Корона Суровеса передаётся по наследству, на это существует воля богов, но всё же, суровесы, благодарю вас за доверие! Обещаю править мудро и справедливо. Коронация состоится позже, сейчас меня ждут гораздо более важные дела.

Народ поддержал его дружным приветственным криком, вверх полетели головные уборы. «Граждане справляются со своими проблемками, и неплохо. Что ж. Посмотрим, что будет дальше. Мне бы только домой вернуться», — думал Гор, и рука его легла на левый карман.

Капук добрался до Цыпиц во второй половине дня. Испуганные, недоумевающие жители указали направление к домику знахаря. Около низеньких дверей шаман спешился, бросил поводья приспешнику и ворвался внутрь. Тычком в грудь отшвырнул с дороги мальчика и в соседней комнате увидел Лейлю. Та перепугалась насмерть и молча забилась в угол.

— Пойдёшь со мной! — приказал шаман.

— Никуда я с вами не пойду!

Капук вцепился сначала в её руку, потом в нежную шею. Девушка с размаху огрела его пощёчиной, оставив на щеке глубокие царапины. Правитель Суровеса поволок её к выходу. Лейлю хрипела и вырывалась. Дорогу перегородил мальчик. Капук протянул свободную руку, чтобы снова отбросить его в сторону, но напоролся на взгляд мальчика, тяжёлый, сковывающий.

— Знахарь, — догадался шаман и выпустил шею Лейлю. Теперь все его силы пошли на борьбу с Таюром. Девушка, кашляя, убежала на улицу, где была схвачена приспешниками. Шаман и знахарь стояли и смотрели друг другу в глаза. Лучи солнца схватились с щупальцами тьмы. Ясное небо противостояло засасывающей пропасти. Сила и мощь природы сражались со смерчами и ураганами. Жизнь воды сопротивлялась ярости всепожирающего пламени. Сознание Таюра металось в поисках поддержки и не находило спасения. Знаний не хватало. Проблески мягкого света медленно

угасали в темноте глубинных пещер, достигающих самой преисподней…

Из домика, шатаясь, вышел шаман. «Зло победило», — поняла Лейлю и потеряла сознание.

Капук исторг чёрное облако молитвы, и хозяева тёмных недр одарили его порцией силы.

— По коням! — скомандовал он. Приспешники, молча прокляв неутомимого главаря, влезли в сёдла. Шаман велел помощнику забрать бесчувственную Лейлю, не удосужившись привести её в чувство. Жители деревни Цыпиц, сбившись в кучу, издалека наблюдали за отбытием шамана.

— Хоть бы пакость не наслал очередную, — пробурчал старейшина, когда на тропе улеглась пыль, поднятая копытами.

В домике знахаря на полу лежал мальчик, слабо шевеля пальцами. Лучик света пробился сквозь листву, проник в оконце и упал на белую голову. Рядом с домиком в кустах пела птичка, звонко, щемяще.

Вечер властно подминал под себя улицы Катуглы, когда шаман добрался до города. Жители при его виде разбегались, уже привычные бежать от всех подряд. Рядом с королевским дворцом его встретил Вобалут собственной персоной. Позади него стояли воины и Гор.

— Поглядите-ка, кто к нам явился. Знакомьтесь: Лже-Жожи IV Первый! Кто с ним ещё не знаком? Все знакомы? Успел-таки прославиться, шельма.

— Как ты смеешь так разговаривать с правителем? — грозно вопросил Капук с высоты коня. — Кто ты такой, в первый раз вижу?

На площадь снова потянулся народ — те, кто посмелее.

— Короткая у тебя память, как я погляжу. А ну-ка, спускайся ко мне. Поговорить надо. Гордись, с тобой желает разговаривать регент Суровеса, будущий Вобалут Седьмой!

— Ты что, ослеп, простолюдин? Я заберу твои глаза, раз ты в них не нуждаешься. Дорогу!

— Дорогу просишь? Так иди же!

Ни Вобалут, ни воины не двинулись с места.

— Демон, к ноге! — рявкнул Капук. — Или тебе домой уже не надо?

— Надо, Капук, надо, — откликнулся Гор. — Именно этим ты сейчас и займёшься.

— Что?!

— Под чутким наблюдением этих славных ребят.

— Посмел напиться?!

Капук сообразил, что он действительно не имеет возможности проехать ко дворцу, а монстр не торопится выполнять приказ. Шаман повернулся к народу, которого на площади скопилось довольно много:

— Вы хотите, чтобы демон вас растерзал? Нет? Тогда повинуйтесь мне!

— Не слушайте его! — крикнул Вобалут. — Демон с нами, и у него есть имя — Гор!

Суровесы смотрели во все глаза. Регент протянул руку по направлению к шаману и продолжил:

— Вот он, самозванец — перед вами! Он захватил власть силой, и правление своё начал со лжи. Даже гонг стал красным от стыда, когда в него лупил приспешник… Он лгал вам, будто победил в бою? Друзья мои соратники, скажите, как называлось дерево, куда забрался наш герой, спасаясь от волков? Где приобрёл он шрамы на лице? Кто их оставил? Волки? С несчастной воевал он женщиной, которая попалась на беду! Смотрите — на лице его след доблестной победы! Отвергнув власть, дарованную богами роду нашему, он, как щитом, прикрылся великаном! Готов был растоптать властителя, который не обидел никого за всё своё правление! Подлец и негодяй!

Капук, задыхающийся от злобы, понял, что проигрывает. По его знаку приспешник передал ему дрожащую Лейлю. Народ на площади дружно выдохнул. Вобалут остолбенел.

— Подлец и негодяй, — шёпотом повторил он.

— Предлагаю обмен, — произнес Капук скрипучим голосом. — Так и быть, я остаюсь у власти, которую не далее, как вчера, мне вручили боги. Кроме того, я сохраняю за собой прежнюю должность, ибо без Верховного шамана королевство быстро сгинет, а достойной замены для себя я, увы, не вижу. Если ты не согласен с условиями, продиктованными свыше, вот эта кукла, — шаман встряхнул Лейлю, — остаётся у меня.

Девушка застонала сквозь стиснутые зубы. Воины сделали угрожающий шаг вперёд, руки легли на рукояти мечей. Жожи IV остановил сына:

— Это ловушка, Вобалут, смотри, не угоди в неё. Став признанным правителем, Капук будет делать всё, что левая нога захочет.

В первую очередь чёрная душа возжаждет мщения. Он просто так вас не отпустит — тебя и Лейлю. Даже если я не прав, подумай о народе, в какие руки ты вверяешь судьбы тысяч душ. Ответственность несёшь ты за людей, доверивших тебе будущее. Подумай сам, во что шаман превратит королевство. Лейлю прекрасна и невинна, терять её вторично очень больно. И всё же, сын, не торопись, подумай.

— Оставь её, Капук, она тебе не нужна, — произнёс Вобалут, страдая. — Ничего с тобой не случится, ни один волос не упадёт с твоей головы. Ты останешься Верховным шаманом, и всё останется по-прежнему, клянусь тебе!

— Так значит, отказ? — взвизгнул шаман, снова встряхнув Лейлю. — Значит, не настолько дорога тебе возлюбленная, чтобы ты сложил с себя высокий сан и стал простым воином? Я не ожидал, что ты настолько амбициозен, принц!

— Не отдавай ему власть! — выкрикнула внезапно Лейлю. — Он превратит Суровес в кладбище! Наш народ…

Капук зажал ей рот костлявой рукой:

— Ну? Соглашайся!

Над кистью руки шамана в сгустившихся сумерках Вобалут различал огромные влажные глаза, с мучением глядящие прямо на него. Регент читал в них отрицание. Даже хрупкая Лейлю нашла силы противостоять шаману, а он, Вобалут, их не находит… Вокруг зажглось несколько факелов.

— Ну?! — требовательно повторил шаман. Вобалут произнёс, глядя исподлобья:

— Не мне равнять тысячи женщин и детей с одной-единственной девушкой, пусть даже своей возлюбленной. Если я соглашусь на такой обмен, не простят её. Если я отдам власть тебе, не простят меня. Отдай её мне и убирайся с миром, никто тебя не тронет, шаман. Если нет — живым отсюда не уйдёшь.

Шаман расхохотался:

— Простота ты деревенская, принц! — и повёл вокруг себя рукой. Вокруг него встала светящаяся белым стена, в которой с треском посверкивали молнии. Воины дружно бросились вперёд, но были отброшены стеной. Капук развернул хрипящую от страха лошадь и поскакал с площади прочь. Все воины, которые находились в сёдлах, погнали лошадей следом. Побежал и великан.

— Гор! — крикнул вслед Вобалут, вложив в крик отчаянную надежду. Гор вернулся, пересадил регента с лоджии прямо на коня, и тот немедленно поскакал вслед за всеми.

Погоня продолжилась за городскими стенами. Уставшая лошадь шамана несла двоих, и воинам мешала только магическая стена, устремлённая ввысь. Её края переливались и полоскали звёздное небо.

— Нам повезло, что сейчас ночь, крошка, — прошептал Капук Лейлю. — Сейчас ты испытаешь прелесть полёта. Всадники тьмы, ко мне!

Вокруг шамана закружились чёрные сгустки с багровым свечением по краям, хорошо видные на фоне светящейся стены. Белый свет погас вместе с молниями. Преследователи радостно заухали, решив, что теперь шаман от них не уйдёт, однако сгустки собрались под брюхом его лошади и подняли её над землёй. До Вобалута, который скакал позади всех и нещадно погонял коня, донёсся лошадиный визг. «Что там происходит?» — подумал регент, ужасаясь. Лошадь с шаманом и Лейлю стала резво удаляться от погони.

— Уходит! — крикнул кто-то. Гор понял, что ещё мгновение, и чёрный всадник с жертвой поднимется слишком высоко. Великан остановился, поднял ручищей каменную глыбу и швырнул её со страшной силой. Глыба пролетела над головами воинов, как болид, и разнесла шаману голову. Лошадь свалилась с приличной высоты, завизжала падающая Лейлю. Погоня остановилась. Лошадь поднялась на ноги, фыркая и тряся головой. Девушку подняли грубые, но заботливые руки. Прискакал Вобалут и сразу получил в охапку возлюбленную. Голова Лейлю безжизненно моталась, но девушка находилась в сознании.

— Гор, Гор, — шептала она.

— Она тебя зовет! — крикнул парень.

— Нет-нет, — поспешно выдохнула девушка, которая нашла силы на новый испуг. — Не надо, я его боюсь. Он не вернётся, он не вернётся, он не вернётся, Вобалут!

— Кто?

— Гор не вернётся домой.

Вобалут вспомнил о великане и только охнул. Повертел головой в поисках Гора, однако царила ночь, вокруг топтались и шумели воины, кое-кто с факелами в руках, и чудовища поблизости он не увидел.

Тело Капука торопливо предали земле.

— Зарастёт травой, никто потом не найдёт могилы, — единственное, что прозвучало при поспешных похоронах. Никто больше не проронил ни слова.

Во дворце Вобалут передал Лейлю на попечение прислуги, заметавшейся при виде измученной девушки. В голове теперь засела одна мысль: где Гор? И ещё одна, шальная: не озлобится ли он, не покажет ли истинное лицо — лицо демона? Ведь он помогал только затем, чтобы вернуться в своё измерение. Однако он спас Лейлю, и теперь останется здесь навсегда — среди чуждых ему созданий. Возможно, суровесы кажутся ему такими же чудовищами, как сам он видится им, только маленькими.

Промаявшись всю ночь в ожидании рассвета, Вобалут узнал, что любимая спокойно спит, и покинул дворец в поисках великана. Если кому-либо необходимо попасть в помещение, а дверь закрыта, он или уйдет, или будет торчать под дверями. Рассуждая таким образом, регент сам оседлал коня и нашёл великана неподалёку от алтаря, на котором тот шагнул в мир суровесов. Вернее, рухнул из смерча. Гор сидел неподвижно с застывшим взором, зажав что-то в руке. Отросшая шерсть на морде и голове отливала в утренних лучах красным золотом. Он уже не казался Вобалуту уродливым, и сколько парень ни твердил себе, что Гор несуразен и страшен, убедить себя не мог. Напротив, в очертаниях мощной фигуры ему теперь чудилась своеобразная красота. Он поостерёгся нарушить уединение великана и уже собрался уходить, но Гор почуял его и поднял глаза, ставшие осмысленными. Вобалут подошёл вплотную и дотянулся до громадного кулака, покрытого круглыми пятнышками и поросшего с тыльной стороны довольно нежной рыжей шерстью. Кулак разжался. Так и есть! Портрет косматого чудовища. Нет, не чудовища. Жены Гора, которая ждёт ребёнка. И Гор любит её так же, как он сам любит Лейлю. Вобалут опустился на землю рядом с великаном и в полном отчаянии схватился за голову.

— Так всё плохо? — услышал он над собой и увидел, что Гор улыбается.

— Почему, зачем ты это сделал?

— Что сделал?

— Убил шамана.

— Ты меня об этом спрашиваешь? На моём месте ты бы сделал то же самое.

— Да, но я… — произнёс регент и осёкся.

— А что ты? Я хуже? Или просто не такой?

Вобалут понимал речь великана с огромным трудом. Он не сразу понял, что тот разговаривает с ним на языке суровесов, тщательно подбирая знакомые слова.

— Гор, ты меня понимаешь?

— Я запомнил много ваших слов.

— А я — некоторые слова из языка, на котором ты говорил.

— Значит, будем разговаривать.

— Почему мы перестали понимать друг друга?

— Колдовство шамана кончилось.

— Что ты теперь будешь делать?

— Служить вашему величеству, о, правитель.

— Не называй меня «о, правитель», — поморщился регент.

— Это почему же?

— Потому что… Потому что…

— Ну? Договаривай, о, правитель. Иначе будешь терпеть приставку «о».

Вобалут встретился взглядом с Гором. Глаза великана смеялись.

— Потому что считаю тебя другом, — вздохнул парень.

— И я тебя считаю другом, — откликнулся Гор.

На душе стало легче, и Вобалут рассмеялся.

— Хватит рассиживаться, пойду в гарнизон, — сказал Гор на своём языке, и регент его понял.

Попрощавшись с великаном, Вобалут вернулся во дворец, где до обеда занимался государственными делами, которым, как оказалось, конца не было видно. Отец не вмешивался. Регент хотел уехать в гарнизон, но пришёл к неутешительному выводу, что сегодня он туда не вырвется. Во время обеда, на котором присутствовали Жожи IV и оправившаяся Лейлю, отец поинтересовался, нравится ли Вобалуту управлять королевством.

— Нравится, отец, но я не могу найти время для гарнизона.

— Не найдёшь. Тебе придется назначить главнокомандующим другого, а самому полностью отдаться государству. Отныне ты себе не принадлежишь.

Вобалут огорчился.

— Может, передумаете, отец? От меня было бы больше пользы на военной службе, особенно сейчас.

— Я, как правитель, не меняю решений. Мне уже пора на отдых. Смиряйся, Вобалут, я буду помогать советами.

— А я всегда буду рядом, — улыбнулась Лейлю.

— Ты так прекрасна, будто вчера вовсе не было никаких приключений, — искренне сказал Вобалут.

— Из Цыпиц приехал Таюр, он помог мне, — сообщила Лейлю.

— Он все ещё здесь?

— Да, отдыхает. Дорога длинная и для него тяжелая. Он плохо сидит в седле, потому что жалеет лошадей и ездит верхом только в случае крайней необходимости. По пути его лошадь услышала волков и скакала, как безумная. Таюр не свалился с неё просто чудом, но добрался до столицы совершенно измученный.

— Когда я приехал в Цыпиц, Таюр сказал, что ждал меня. Как же он Капука не почуял?

— Почуял. Но Таюр живет в отдалении, на краю маленькой деревни, мало общается и не знаком с подлостью. Он не ждал зла от гостя. Видел зло, но не понял, что это такое. Вобалут, я хочу увидеть Гора.

— Но ты его так боишься!

— Да, но мне необходимо поблагодарить его за то, что дважды спас мне жизнь. Вместо благодарности он получил от меня только взгляд, полный ужаса.

— Да, милая, сейчас я отвезу тебя в гарнизон, он там. Но у меня ещё столько дел на сегодня…

— Езжайте, дети, — с улыбкой сказал Жожи IV. — Я заменю регента, так и быть.

— Спасибо, отец! — обрадовался Вобалут.

В гарнизон с ними отправился и Таюр, который тоже захотел увидеть Гора. По пути знахарь внутренним зрением увидел алтарь и попросил его показать. Всадники свернули к оврагу. Некоторое время Таюр изучал алтарь сверху, потом поделился с регентом:

— Слышу Гора. Тоскует он, хочет вернуться. Тоска его темна, как бездна пещер. Там, в темноте, сверкают яркие звездочки — существа, которых он любит.

Оставшуюся дорогу мальчик молчал. Мрачный, пугающий алтарь со статуями богов по краям и провисшими тросами произвел на него тягостное впечатление.

В гарнизоне Вобалут увидел удивительную картину. Воины собрались на площадке и повторяли за Гором странные движения:

дружно вскидывали вверх правую ногу, выбрасывали вперед левый кулак. Регент убедился, что они даже дышат в такт. Великан отдавал короткие команды. «Похоже, его здесь понимают не хуже, чем я», — удивился регент. Его приезд не остановил занятия.

Когда Гор отпустил воинов, Вобалут поинтересовался у него, что это значит.

— Занятия нужны каждый день, — ответил тот.

— Но мы их и без того проводим часто.

— Мало.

— Достаточно.

— Я видел. Мало.

— Что ты видел?

— Восемь погибших.

Таюр прислушивался к беседе, а потом попросил Гора нагнуться к нему. Гор наклонился, и знахарь коснулся пальцами его виска.

— Я покажу… — начал было Гор и осекся. Регент захохотал:

— Таюр — волшебник! Мы снова понимаем друг друга, как раньше!

Гор веселья не поддержал.

— Я покажу, как драться безоружным с несколькими вооруженными противниками и побеждать, — как ни в чем не бывало, продолжил он. — Я научу, как пользоваться любым подручным предметом и тоже побеждать.

— Если такое возможно, погибших больше не будет.

— Будут. Потому что волки в лесу чувствуют себя гораздо увереннее, чем суровесы. С лесным народом воевать невероятно сложно.

— Но что же делать? У нас в лесах множество деревень!

— Привлекать местных жителей. Они могут знать, где волки раскинули стойбища.

— Я знаю четыре стойбища, — подал голос Таюр.

Вобалут сжал кулак:

— Завтра же выступаем!

— Я буду вам мешать, потому что плохо сижу на лошади, — сказал знахарь. — В Цыпиц несколько сельчан знают, где они находятся. Они охотно помогут вам, потому что волки таскают наших детей, иногда и женщин, углубляться в лес стало опасно, и жители мечтают избавиться от напасти.

— Хорошо бы объединиться с соседями для борьбы! Или волки разбойничают только здесь?

— Отец посылал в соседние королевства гонцов, но они не вернулись. Остается только гадать, что происходит у соседей.

— От них гонцов, надо полагать, не поступало, — сделал вывод Гор. — И все же навестить соседей не мешало бы.

Подошла ближе и Лейлю.

— Гор, я хочу поблагодарить вас, — сказала она и запнулась.

Великан опустился на корточки. Его пристальный взгляд смутил Лейлю окончательно. Она увидела, какого цвета глаза у демона: светло-карие, с болотной прозеленью, обрамленные густыми рыжими ресницами, и… очень красивые. Лейлю набралась духу и продолжила:

— Я хочу поблагодарить вас за то, что спасли мне жизнь… дважды… Это оберег.

Девушка вытащила из сумки большой предмет, похожий на веретено, выточенный из качественной кости, подвешенный на длинную толстую веревку. Она показала, как отвинчивается крышечка наверху, и Гор увидел так же выточенную головку суровеса со вставленными сапфировыми глазами. Девушка завинтила крышечку и попросила:

— Наклонитесь ко мне.

Гор опустил рыжие ресницы, чтобы не пугать Лейлю взглядом, и та повесила ему на шею оберег — рядом с серебряным амулетом.

— Это от знахаря, не от Капука, — пояснила она. — Вы будете воевать. Возможно, он поможет вам сохранить жизнь в минуту опасности.

Гор улыбнулся, но Лейлю увидела только оскал огромных зубов и отшатнулась. Великан мигом стянул губы в ниточку.

— Лейлю, это улыбка, — со смехом пояснил Вобалут. — Он улыбнулся тебе! А зубами он… ты знаешь, он не пользовался ими даже во время боя!

— О, простите! Такая бестактность… — Лейлю готова была заплакать.

— Спасибо, милая девушка, — ответил Гор, потрогав оберег. — Пусть хранят вас боги за ваше доброе сердце.

Утром отряд из тридцати воинов был готов выступить в очередной поход. Чуть свет приехал Таюр и сразу нашел Гора

— Я знаю, как отправить тебя в твой мир, — с ходу сообщил он.

— Знаешь? Откуда, добрый ты человечище? — удивился великан.

— Мне приснился сон. Такие сны даются свыше. Я ночевал в овраге рядом с алтарем. Тебя необходимо отправить назад. Так же, как необходимо было переправить сюда, иначе Капук не получил бы этих знаний. Можно начать прямо сейчас.

Гор поднял Таюра над головой, отчего тот по-детски звонко захохотал. Великан осторожно поставил мальчика на землю.

— Я уверен, у тебя все получится, — сказал он. — Но только не сейчас. Боги могут подождать хотя бы несколько дней?

— Могут, — невозмутимо ответил мальчик. — Но только не больше четырёх суток. Ты уже пятый день в нашем мире. Твой срок истекает на восьмой день. Потом будет поздно, ты останешься с нами навсегда. Такова воля богов.

— С волей богов я спорить не могу. Вобалут, отпущенный мне срок я обучу твою армию всему, чему успею.

Во время вылазки стремительный отряд разорил четыре стойбища, которые показали жители селения Цыпиц. Схватки были яростные, от мечей не ушел ни один встреченный суровесами волк. Операцию провели настолько быстро, что волки-бойцы не успели увести самок и детенышей. Вобалут запретил их убивать. В гарнизон вернулись глубокой ночью, потеряв двоих воинов. Суровесы поняли, что волков побеждать можно. Гор предупредил Вобалута:

— Волки — не животные, они — разумные существа. А значит, они тоже будут учиться, воюя с вами, и в следующий раз учтут свои ошибки. Помни это всегда.

Когда срок Гора истек, Таюр тщательно подготовил алтарь к работе. Мальчик, ведущий уединенную жизнь на окраине деревни, обладал завидной физической силой. Он самостоятельно поправил тросы, разобравшись в устройстве. Солнце клонилось к закату, когда Гор по указу Таюра уселся посередине алтаря, скрестив ноги. Знахарь молитвой вдохнул в статуи энергию, и те засветились неярким матовым светом. На представление собралось ещё больше народу, чем в прошлый раз. Знахаря уже знали все горожане и сельчане, живущие поблизости — многие мучились болезнями, и помощь лекаря оказалась кстати.

Гудение тросов набирало мощь. Молнии посверкивали в опасной близости от великана, и тот сжался, обхватил колени руками, пригнул голову. Листья на деревьях затряслись, птицы огромной стаей взметнулись ввысь и улетели. Зрители смолкли. Лейлю ухва-

тилась рукой за локоть Вобалута, ища поддержки. Таюр ободряюще улыбнулся ей: все будет хорошо. Жожи IV отметил про себя, что такого страха, как в прошлый раз, он не испытывает. Вероятно, потому, что дирижер на этот раз совсем другой. А вот девочку не мешало бы отвлечь…

— Лейлю, а ты заметила, что у Гора на морде шерсть растет быстрее, чем на голове? — неожиданно спросил он.

— Отец, вы сейчас совсем не похожи на правителя, — удивился Вобалут.

— Я и не правитель, — отмахнулся Жожи IV. — Я — дед, которому не терпится понянчить внуков.

Лейлю застенчиво улыбнулась, но тут улыбка сошла с её лица. Вобалут оглянулся на алтарь и увидел зарождение смерча. Темный рукав с низким свистом потянулся к небу. Гора в центре не стало видно.

— Он не погибнет? — забеспокоилась Лейлю.

— Не погибнет, — ответил Таюр. Его ясный, спокойный взгляд внушал уверенность. Рев смерча перекрыл все звуки. Хобот с ревом шарил в небесах, затем замер, вытянулся в струну и разверз темную небесную пропасть. На этот раз тоннель не испускал жутких звуков, таких, как в прошлый раз.

Пульсирующая труба втянула Гора и с силой поволокла вглубь. Мимо стремительно скользили размытые, подвижные, рыхлые стены тоннеля. Казалось, будто вокруг смыкалась тьма, и никаких стен на самом деле не существует. Тоннель ощутимо сузился и потемнел, скорость полета упала. Гор инстинктивно раскинул руки, пытаясь ухватиться за поверхность, но ладони свободно прошли сквозь обжигающую пустоту. Тело зависло в душном пространстве. Глаза улавливали неясное движение вокруг. Тьма навалилась и сдавила грудную клетку. Гор внезапно понял, что погибает. «Сюда, сюда! — раскатисто шептал голос Капука. — Я жду тебя, мой герой. Это я тебя создал, и потому ты полностью принадлежишь мне!» «Неужели конец?» Эта мысль потрясла Гора. Он судорожно задергался в попытках вырваться, но стены тоннеля спеленали его, словно кокон. Легкие сокращались вхолостую, дурнота тяжко поднялась из живота и залила уши, глаза и горло. Даже теряя сознание, Гор не верил в происходящее, боролся с забвением.

Ослепительный луч пронзил кокон тьмы. В легкие хлынул воздух. Пространство прорвал вопль разочарования. Под ногами разверзлись пещеры — дыры в преисподнюю. Великана обдало ледяным воздухом, обожгло и потащило вниз. Гор, не успев отдышаться, лег на поток плашмя, пытаясь хоть так замедлить падение. Невесть откуда взявшийся солнечный зайчик торопливо пошарил вокруг, разросся и перекрыл сразу все пещеры. Дыры схлопнулись.

— Врешь, Таюр, не отнимешь! — отчетливо прозвучало вокруг.

— Я не один, — прозвенел голос знахаря.

Стены тьмы рывком раздвинулись, стало светлее. Появилась тяга, но уже не вниз, а вверх. И легкость во всем теле. Гор снова полетел вдоль тоннеля, наращивая скорость. Присмотревшись, он увидел нечеткие темные тени за призрачными стенами. Тени безмолвно рвались к нему и несли угрозу. Трубу распирало от света. Гор понял, что за него идет нешуточная битва.

Тоннель расширился. В голове раздался голос Таюра:

— Капука поддержали силы Тьмы, но твои потомки сильнее.

— Мои потомки? — вслух переспросил Гор.

— Да. Ты попал в наш мир по их желанию. Именно они дали знания Капуку, чтобы он перенес тебя к нам. Теперь, когда ты выполнил свое предназначенье, ты по их воле возвращаешься домой.

— Но причем здесь потомки? Где они?

— Вашей цивилизации давно уже не существует, её сменили другие народы, в том числе суровесы. Последние представители твоего народа влились в число высших сил, оставив бренные тела на земле. А теперь — прощай, Гор!

Смерч втянулся в бездну и исчез вместе с тоннелем. Наступила тишина. Гора на алтаре не было. Таюр открыл глаза, шумно выдохнул воздух и произнес:

— Он дома.

Спокойный ломкий детский голос после ураганного рева произвел своеобразное впечатление. Зрители разом заговорили, обсуждая увиденное. Лейлю улыбнулась любимому и сказала:

— Посмотреть бы его мир, хоть одним глазочком!

— Ты будешь там маленькая-маленькая, — со смехом ответил Вобалут.

Дом, в котором залегли бойцы, сотрясался сверху донизу. Уши заложил стонущий вой и непрерывные взрывы. Деревянные половицы выгибались дугой, с потолка непрерывно сыпалось. В окна время от времени залетали шальные осколки. Бойцы лежали на полу, подальше от оконных проемов, чтобы противник не снял их выстрелами с улицы.

Артобстрел внезапно прекратился, и его сменила зловещая тишина. С потолка продолжало сыпаться, и ухо улавливало только этот шелест. По знаку командира бойцы сорвались с места и в доли секунды покинули дом. На выходе их неудачно обстреляли из-за угла; бойцы огрызнулись гранатой. Неприятель замолчал, но последний снаряд не пропал даром.

Егор Кожемякин открыл глаза. Белый потолок в трещинах, медицинское попискивание в головах, запах медикаментов. «Госпиталь», — понял Егор. Память услужливо подсказала: адская боль, собственный вскрик, красная пелена, небытие. «И давно я здесь? Удивительно. Был без сознания, и все это время снились сны. И всё сурки без перерыва. И волки». Егор потянулся левой рукой, чтобы почесать щетину, и наткнулся на бороду. Значит, в госпитале он давно. Вышел из комы? Сильно мешали трубочки в носу. Боли он не ощущал. Парень прислушался к себе. «Напичкали чем-то? — размышлял он. — В голове ясно. Слабости нет. Легкое ранение? Знаем, уже проходили. Ощущения были „не фонтан“. А у меня сейчас ощущения — горы бы свернул. Горы… Гор… Хмм…» Правой рукой двигать не хотелось, память цепко держалась за невыносимую, несовместимую с разумом боль в правом плече и в шее. Егор скосил глаза на плечо. Перебинтовано, бинт пропитан кровью. «Странно, но почему я никакого дискомфорта не ощущаю? И лежать совсем не хочется». Левой рукой он осторожно ощупал правое плечо. Никакой боли, никакого онемения от наркоза. Егор решительным жестом выдернул из вены иглу капельницы и трубочки из носа. Сел. Сунул руку под бинт. Под пальцами почувствовал шероховатую зудящую кожу без намека на шов. «Что за чертовщина?» Кроме него, в палате находились ещё двое, оба без сознания. Егор поднялся на ноги. Мышцы настойчиво требовали движения. «Реанимация, — понял парень. — Какого черта я здесь делаю? Мне двадцать четыре года, самый расцвет сил, красоты и молодости, а я какого-то хрена в реанимации?» Он подошел к койкам и вгляделся в лица раненых. Оба

лица — серые, остроносые, с обметанными губами. Никого из них Егор не знал. Парень сердито фыркнул и стал торопливо разматывать на себе бинты. Те ссохлись от крови, и Егор нетерпеливо сопел и злился. Освободившись от повязки, он не нашел ни намека на рану. «Откуда тогда кровь?» — недоумевал парень.

— Короче! — произнес он вслух, швырнул бинты в угол и покинул реанимацию. «Неужели разыграли, паскудники? Ну, Фонарь, если сценарий твой, голову отверчу без разговоров!» С мыслями о мщении Егор шагал по коридору госпиталя. Не давали покоя четкие воспоминания ранения, боли, слишком реальные, чтобы от них отмахнуться. Тут ему пришла в голову мысль, от которой парень встал, как вкопанный. «Я же все это время был без сознания! Или спал? С чего бы я так спал? Борода отрасти успела! Подмешали что-то? Ну, погоди, Фонарь, попадешься мне!»

Навстречу шел врач. Увидев пациента, он замахал руками:

— А ну марш в палату! Быстро!

— Нечего мне там делать.

— Знаю я вас, героев. Быстро в палату! Хоть бы пижаму накинул, бессовестный. Как фамилия?

— Кожемякин. Послушайте, док…

— Дурные у тебя шутки. Кожемякин уже неделю в реанимации.

— Уже нет, — ухмыльнулся Егор. — Док, послушайте меня. Мне нужны мои документы и одежда. Я все понял, пора уже закругляться.

Врач глянул на Егора из-под очков испепеляющим взглядом и быстрым шагом направился в сторону реанимации. «Дошутились, дальше некуда, — сердито подумал Кожемякин. — Поищу-ка я главу этого достойного заведения». По дороге ему на глаза попалась сестричка. Строго сдвинув брови при виде полуголого солдата, та указала на нужную дверь пальцем.

Главврач находился у себя.

— Майор Кожемякин в ваше распоряжение прибыл! — бойко отрапортовал пациент.

— Отставить! — буркнул в усы главврач. — Что ещё за цирк?

— Никакого цирка. Меня ошибочно положили в госпиталь. Проснулся в реанимации весь перебинтованный, как Тутанхамон. Чья-то шутка, узнаю чья — убью.

— Что значит — проснулся?

— Значит, спал. Док, отдайте документы и одежду, и мой мужественный торс покинет вашу территорию. Понимаю, что звучит дико…

В кабинет без стука забежал врач, с которым Егор беседовал в коридоре.

— Виктор Степанович, Кожемякин исчез из реанимации!

— Вон он, собственной персоной, — кивнул главврач в сторону Егора.

Врач нервным движением поправил очки и протянул Виктору Степановичу неряшливо скрепленные исписанные листы:

— Вот…

— Помню и так, — отмахнулся главврач и обратился к «пациенту»:

— Андрея Захаркина знаете?

— Как не знать? — обрадовался Егор. — Мы же в одной роте!

— Пригласите, пожалуйста, Захаркина, — указал Виктор Степанович коллеге.

Пока лечащий врач Кожемякина ходил за его сослуживцем, Виктор Степанович внимательно изучал карточку «больного», поминутно на него поглядывая и неодобрительно качая головой. Егор не мог понять, что означают эти кивки, не выдержал и спросил:

— Ну, что?

Главврач не успел ответить, потому что пришли Захаркин и Егоров док.

— О, Егорище! — весело удивился Захаркин. — Это ты так при смерти лежишь?

Сослуживцы радостно похлопали друг друга по крепким спинам.

— Никак, узнали друг друга? — прокомментировал хозяин кабинета. — А теперь, Кожемякин, потрудитесь объяснить, что это значит.

Егор развел руками.

— Зато я могу объяснить, — сказал лечащий врач. — Вчера Кожемякин поступил в отделение с тяжелым ранением. Разрывная пуля выбила левую ключицу. Большая потеря крови. Кома. В восемнадцать двадцать я его оперировал. Готов побиться об заклад, что это он и есть, только с бородой. У Кожемякина вчера бороды не было. Может, близнец?

— Если это розыгрыш, то с крепким душком, — заявил главврач Егору.

— Узнаю, кто, убью, — повторил тот, но уже серьезно.

— Слушай, Рыжий, а что случилось-то? — вытаращил глаза Захаркин.

— Похоже, розыгрыш, — мрачно ответил ему Егор. — Виктор Степанович, отдайте мне документы, а?

— Вы на сто процентов уверены, что это Кожемякин Егор Антонович? — перестраховываясь, спросил главврач у Захаркина.

— Зуб даю!

— Хорошо. Можете получить документы и одежду. И чтобы без фокусов!

— Есть без фокусов!

— Но я ведь кого-то оперировал! — громко сказал очкастый врач, и в голосе явственно проскользнуло отчаяние. — И этот кто-то может умереть в любую минуту!

— Разберемся. А этот орел пусть пока на волю летит. Нечего ему у нас делать.

— Вот и я говорю… — встрял было Егор, но его оборвал Виктор Степанович:

— А вам, молодой человек, слова никто не давал. Идите, и чтобы больше я вас здесь не видел…

Сослуживцы покинули кабинет, и Захаркин накинулся на Егора с вопросами. Насилу от него отвязавшись, парень рысью побежал искать сестру-хозяйку. По пути ему повстречалась медсестра, которая его узнала.

— Но вы же… — пробормотала она, позеленела и грохнулась бы об пол, если бы Егор её не подхватил.

— Держитесь крепче, – посоветовал он, прислонил памятливую медсестру к стене и вдавил поглубже. Егору казалось, что так девушка будет устойчивей.

Белье ещё не успело высохнуть. Егор удивился на лохмотья, в которое оно превратилось. «Госпиталю пора менять стиральную машину», — сделал вывод Кожемякин. Споро одеваясь в темном, промозглом, как склеп, коридоре, Егор наткнулся рукой на незнакомый предмет, который болтался на шее рядом с крестиком. Парень взял предмет в руки, не веря своим глазам. Узорчатая палочка из слоновой кости в виде веретена. Егор неуверенно повинтил пальцами верхнюю часть, и та послушно отделилась, открыв изумленному взору изящную головку зверька. Лейлю… Перед глазами встала прелестная мордочка, покрытая бежевой шерсткой, бархат-

ные ушки и влажные, выразительные глаза с трепещущими ресницами. Длинное платье наверняка скрывало забавный хвостик, ведь у суровесов были хвостики…

Потрясение оказалось настолько сильным, что Егор с амулетом в руках опустился на скамью. Машинально потрогал шею и правое плечо. Мысли в голове беспорядочно метались. «Никто не поверит. Да я сам не верю! — думал он. — Сурки, да всё мелкие какие-то, мечи, волки, тоже мелкие… Или не сурки, а разумные существа, похожие на сурков. Лошади размером с кошку. Сослуживцы скорее поверят в чудесное исцеление, чем в этот бред». Егор оделся и торопливо вышел из госпиталя. На голову обрушился горячий солнечный свет. Парень привычным жестом придавил рукой нагрудный карман с фотографией жены. «Всё на месте, — с удовлетворением подумал он. — Одиннадцать утра, и уже такая жара. Ладно. Как-нибудь выкрутимся, ещё не в такие переделки попадали».

В это же время на другом конце страны сладко спала Ангелина Кожемякина. Светало, часы показывали пять. Её рука покоилась на круглом животе, чутко сторожа сон Егорыча. Женщина улыбалась во сне. Снился ей муж, да ещё два прелестных сурка: «мальчик» и «девочка». Потом осталась только сурчиха, прехорошенькая, с влажными разумными глазами. Она что-то говорила женщине человеческим голосом, что-то доброе и важное, но вот что — Ангелина не разобрала.

Любовь Безбах
Александр Борисов

Наёмник

Иллюстратор Любовь Безбах

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стране Суровесов грозит нашествие грозного врага. Чтобы остановить захватчиков, шаман вызывает из параллельного мира чудовище. Подчинить своей воле умного и своенравного монстра оказалось делом непростым и сомнительным. И всё же главнокомандующий Суровеса Вобалут и его воины находят с ним общий язык.

ISBN 978-5-0059-6236-2

